
ПОЦЕЛОВАННЫЙ
БЕЗДНОЙ
Книга 1
Георгий Новохатский

Георгий Новохатский

Поцелованный Бездной. Право жить. Книга 1.

«Автор»
2026

Новохатский Г. М.

Поцелованный Бездной. Право жить. Книга 1. /
Г. М. Новохатский — «Автор», 2026

Костя умер в одном мире, чтобы проснуться в другом. Теперь его зовут Алис. Вот только собственное тело ему придётся делить с Навиром — второй душой, у которой тоже есть право на жизнь.В чужом мире, полном магии и незнакомых законов, Алис пытается начать всё сначала. В небольшом поселении Песчанка он находит кров, помощь и людей, готовых его принять. Но постепенно выясняется, что даже добрые намерения могут обернуться зависимостью, а обещанная защита — лишить человека свободы выбора.Однако у этого мира есть и более древние раны. После Падения сюда пришла угроза, которую не смогли сдержать даже боги. Тем, кто живёт теперь, пришлось научиться существовать рядом с ней. И когда эта угроза подступает к Песчанке, Алису предстоит столкнуться с вопросом, на который нет простого ответа.Можно ли спасти других, не отнимая у них права решать собственную судьбу?

© Новохатский Г. М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1 12
Глава 2 35
Глава 3 61
Конец ознакомительного фрагмента. 72

Георгий Новохатский
Поцелованный Бездной.
Право жить. Книга 1.

Пролог

Бездна

В Бездне ничего не двигалось.

Это было не совсем правдой: двигалась Река.

Она поднималась из такой глубины, где само слово «внизу» уже казалось уступкой привычке, и уходила вверх огромным холодно-белым потоком. Серебристые и голубоватые течения переплетались внутри белой массы, теряясь в её глубине. Иногда из неё выступала отдельная вспышка или тонкая светлая нить, но стоило задержать внимание, как она снова растворялась в Реке.

Выше поток расширялся и постепенно превращался в необозримую светлую поверхность, нависшую над пустотой, словно перевёрнутое озеро без дна и берегов.

Котёл.

Когда-то это название казалось ему нелепым. Теперь оно было просто названием — одним из немногих, которые ещё позволяли различать вещи там, где различия постепенно теряли смысл.

Снизу приходили души. Они поднимались вместе с Рекой, постепенно теряя то, чем когда-то были. Одни достигали белой поверхности Котла и исчезали где-то дальше. Другие почти добирались до него, но снова оказывались внизу и начинали подъём заново. Так продолжалось, пока Река не забирала из них всё, что должно было остаться позади.

Поначалу он пытался определить, сколько времени занимает один такой путь. Потом пытался понять, одинаково ли долго поднимаются разные души, а ещё позже — существует ли здесь вообще нечто, что можно честно назвать временем. В конце концов он оставил и этот вопрос, потому что для измерения времени нужны изменения, а в Бездне почти ничего не менялось.

Он сам — тоже.

И это было второй неправдой.

Когда-то у него были руки, и это знание почему-то сохранилось особенно хорошо. Он помнил тяжесть оружия, шершавость бумаги, холод камня под ладонью, сопротивление тугой металлической застёжки. Иногда вспоминал, как после нескольких часов на ветру неприятно немели пальцы или как перо начинало царапать лист, если слишком долго не макать его в чернила. Всё это оставалось удивительно отчётливым, хотя он уже не мог сказать, когда в последний раз действительно обладал пальцами.

В Бездне тела у него не было, по крайней мере в том смысле, который когда-то казался единственно возможным. Не было ног, которыми можно сделать шаг, лёгких, которые потребовали бы очередного вдоха, век, способных хотя бы ненадолго скрыть Реку. Она всегда оставалась перед ним, хотя и слово «перед» обозначало здесь скорее привычный способ думать, чем реальное направление.

Однажды он попытался отвернуться. Ничего не произошло. Потом попробовал снова, потратив на это, возможно, несколько мгновений, а возможно, куда больше, и в конце концов решил, что в Бездне невозможно двигаться. Это оказалось третьей неправдой.

Двигаться было можно. Только не так, как он привык.

Здесь нельзя было сделать шаг, оттолкнуться или ускориться. Он просто хотел приблизиться к Реке — и продолжал хотеть, пока однажды не заметил, что серебристые течения стали различимы лучше.

Он был ближе.

Когда это произошло, определить не удалось. Между прежним положением и новым не осталось ни пути, ни ощущения движения. После нескольких бесплодных попыток разобраться он перестал искать объяснение и продолжил делать единственное, что хотя бы иногда давало результат.

Это почти стало делом.

В прежней жизни он презирал занятия, в которых невозможно проверить итог, а теперь оказался готов посвятить подобному занятию вечность.

Возможно, именно это он и делал.

⁂

Вокруг находились другие.

Поначалу он даже не был уверен, что перед ним существа. Некоторые казались просто дефектами пустоты: там, где Бездна должна была оставаться совершенно одинаковой, возникала вытянутая неправильность, форма без понятного объёма и цвета. Назвать её тёмной было бы неточно, потому что для тьмы нужен свет, которому она могла бы противостоять. Эти фигуры скорее выглядели как участки, где само ничто почему-то принимало очертания.

Лиц он у них не видел. Рук, одежды, крыльев или других признаков, за которые разум мог бы удобно зацепиться, тоже не было, однако он всё равно давал им мысленные названия, потому что без названий думать становилось сложнее.

Дальняя.

Та, что справа.

Высокая.

Хотя «справа» здесь существовало только до тех пор, пока он соглашался считать его справа, а высокая фигура однажды могла показаться маленькой и близкой, не изменившись ни в чём.

Они не двигались.

Наверное, именно поэтому он довольно быстро начал относиться к ним почти спокойно. В их неподвижности было что-то знакомое.

Поначалу Река приносила Аксот.

Он узнавал его ещё до того, как успевал понять, что именно узнал: запах мокрой земли, солёный ветер, горячий металл, чужую ладонь, слишком крепко сжавшую другую. Иногда приходил голос женщины, снова и снова повторявшей чьё-то имя; иногда — плач ребёнка, которому велели молчать, тупая боль в боку или густой дым, заслонявший всё остальное.

Дыма было особенно много.

Чужие воспоминания никогда не становились его воспоминаниями, и это различие он держал крепко. Образ вспыхивал и уходил, оставляя после себя ощущение, слово или всего лишь уверенность в том, что где-то человек умер, так и не поняв, почему именно должен был умереть.

В первые времена таких было слишком много.

Он пытался смотреть на них так, как смотрел бы раньше, и долго называл происходящее последствиями, потому что «последствия» было удобным словом. Оно собирало множество отдельных вещей в одну понятную категорию. Ещё удобнее было слово «потери», а лучше всего с ними справлялось число: если погибших достаточно много, число становилось легче конкретного человека. Когда-то он прекрасно умел обращаться с числами.

Здесь они не слушались.

В Реке невозможно было построить погибших по десяткам и сотням, превратить женщину, зовущую сына, в долю общей потери или объяснить ребёнку, которому велели молчать, что существует достаточно серьёзная причина, делающая его страх допустимой ценой.

Даже если такая причина действительно существовала.

Особенно если существовала.

Он упрямо перебирал привычные доводы, как когда-то перед советом: необходимость, допустимая цена, ожидаемый результат. Выстраивал их один за другим, проверяя, выдержит ли каждый следующий вопрос.

Он и раньше знал, что необходимость не отменяет цены.

По крайней мере, так ему казалось.

Здесь обнаружилось неприятное отличие между тем, чтобы знать о цене, и тем, чтобы не иметь возможности отвернуться, пока она проходит перед тобой снова и снова.

Поначалу он спорил. Некому было отвечать, поэтому спор получался исключительно удобным и почти всегда заканчивался его победой. Потом стало труднее, хотя никаких новых аргументов не появилось. Просто спустя некоторое количество чужих смертей один и тот же безупречно выстроенный довод начинал звучать немного иначе. Он пытался переставлять слова.

Не помогало.

Потом Аксот стал встречаться реже, хотя он так и не понял, действительно ли поток изменился или это он сам постепенно разучился узнавать родной мир с прежней лёгкостью.

Река приносила другие места: чужие солнца, небо странного цвета, огромные города, назначение которых исчезало раньше, чем удавалось осмыслить форму зданий. Иногда среди обрывков попадались животные, которых никогда не существовало в Аксоте, или разумные существа, говорившие звуками, где он не мог выделить ни одного знакомого принципа речи.

Бывали моря и снег, войны и праздники, но почему-то хуже всего переносились самые обычные комнаты.

Стол. Несколько предметов посуды. Смятый край покрывала. Чья-то одежда, брошенная там, где её явно собирались поднять позже.

И больше никого.

За невероятным количеством миров постепенно обнаруживалось удивительно простое сходство: кто-то почти всегда рассчитывал вернуться.

А потом не возвращался.

Со временем даже эти образы стали попадаться реже — или он сам научился не тянуться к каждому из них.

⁂

Однажды одна из фигур сдвинулась.

Самого движения он не увидел. Возможно, оно продолжалось дольше, чем существовали некоторые государства, однако однажды дальняя фигура просто перестала быть дальней и оказалась возле Реки.

Если «возле» здесь вообще имело смысл.

Он долго смотрел на неё. Впервые за огромное время в Бездне что-то изменилось. Почти одновременно с этим в восходящем потоке одна душа едва заметно отклонилась в сторону, настолько мало, что сначала он решил, будто ошибся.

Но души не двигались так.

Они шли вверх.

Эта — нет.

Её тянуло прочь от общего потока, и тогда фигура тоже изменилась. Не ожила — для жизни, как он её понимал, требовалось слишком многое, — однако в её неподвижности вдруг

появилась направленность. Она оказалась ближе к душе, потом ещё ближе, и он попытался понять, каким способом это происходит, но не успел.

Фигура коснулась уходящего из Реки света и исчезла вместе с ним.

На её месте снова осталось только ничто.

Он смотрел туда ещё долго, после чего впервые за неизвестно сколько времени попытался приблизиться к Реке не потому, что ему хотелось занять себя хоть чем-нибудь.

У него появилась цель.

Само слово казалось почти смешным. Когда-то его цели занимали карты, людей и годы, а теперь всё сводилось к попытке изменить собственное положение на расстояние, которое он даже не мог измерить.

Он всё равно продолжал.

Река постепенно становилась ближе — либо ближе становился он сам. Различие показалось ему излишне философским. За долгие годы он успел возненавидеть рассуждения, которыми можно оправдать уже принятое решение, поэтому ограничился наблюдаемым результатом.

Ближе.

Ещё ближе.

Когда-нибудь возле него должна была отклониться другая душа. Почему это происходило и куда исчезла сущность, он не знал, но сам факт исчезновения сомнений не вызывал.

Этого было достаточно.

В Бездне быстро учишься уважать экспериментальные данные, если располагаешь необходимым количеством времени.

А времени у него хватало.

⁂

После этого он видел подобное ещё несколько раз.

Или только один.

Память здесь становилась ненадёжной не столько в самих фактах, сколько в расстояниях между ними. События могли разделять мгновения или столетия.

Иногда сущность не успевала добраться до уходящей души. Тогда та исчезала, а фигура оставалась в Бездне — такой же неподвижной, как прежде.

Он не знал, испытывает ли она разочарование. Не был даже уверен, сохранилось ли в ней что-нибудь, способное разочаровываться.

Однажды он попытался обратиться к такой фигуре. Ответа не последовало. Через некоторое время попробовал снова и получил тот же результат, а в третий раз уже не стал.

Гордость пережила отсутствие тела удивительно хорошо.

Некоторое время это его даже забавляло.

Собственные воспоминания приходилось сохранять иначе.

Не предметы — предметов здесь не было, — а имена, несколько лиц, отдельные обещания и последнюю ошибку.

Особенно последнюю ошибку.

Бездна не отнимала память сразу. Она действовала гораздо тоньше: сначала воспоминание оставалось почти целым, потом теряло запах, следом температуру, порядок мелких событий и оттенки голоса. В конце концов от некогда прожитого дня мог остаться лишь факт, что один человек сказал ему определённые слова.

Сами слова ещё сохранялись.

Голос уже хуже.

Лицо — ещё некоторое время.

А потом наступал момент, когда приходилось выбирать, что именно удерживать.

Это оказалось страшнее простого забвения, потому что забвение хотя бы могло происходить без его участия. Здесь же он постепенно становился собственным архивариусом и собственным палачом памяти: одно имя вместо другого, один день вместо десяти, один взгляд, одна фраза.

Он выбирал.

Как всегда.

И ненавидел себя за то, насколько хорошо у него это получалось.

К тому времени счёт давно перевалил за тысячу лет, хотя доверять собственным подсчётам он перестал гораздо раньше. Он пробовал считать подъёмы душ, исчезновения сущностей, даже собственные попытки приблизиться к Реке. Рано или поздно сбивался, начинал заново, а затем обнаруживал, что больше не помнит, зачем вообще взялся считать.

Однажды он сформулировал, пожалуй, самый точный вывод за несколько последних столетий:

— Кхас, как же мне надоело здесь сидеть.

Бездна не ответила.

Впрочем, больше чем за тысячу лет она вообще ни разу не отличилась хорошими манерами. Это было настолько глупо, что некоторое время ему действительно стало легче.

Река продолжала идти вверх, холодно-белая и бесконечная, а её огромная поверхность наверху казалась почти спокойной, хотя он слишком хорошо знал, насколько обманчиво это впечатление. Души входили в поток снизу, поднимались, очищались, возвращались и начинали путь заново; одни в конце концов уходили дальше, другие всё ещё продолжали свой цикл, пока им на смену приходили новые.

Механизм никогда не уставал.

Однажды он поймал себя на том, что завидует механизму, которому не приходится ни о чём думать. Потом решил, что зависть к Реке несколько унижает остатки его достоинства.

⁂

Изменение пришло без предупреждения.

Сначала он решил, что это очередной обрывок чужого воспоминания: резкая боль, вспышка света, незнакомые прямые формы и, возможно, потолок. Подобные вещи случались достаточно часто, чтобы не сразу вызвать тревогу, однако почти мгновенно понял, что ощущение пришло не из случайного касания.

Изменилось что-то в самой Реке.

Одна душа двигалась неправильно.

Не так, как те, что он прежде видел уходящими в сторону. Те покидали общий поток уже почти очищенными — лёгкими, истончёнными, едва сохраняющими что-либо, способное напоминать прежнего человека.

Эта была другой.

Слишком тяжёлой.

Слишком цельной.

Она несла с собой столько, что он начал улавливать отдельные образы ещё до непосредственного касания: незнакомый город, огромные поверхности стекла, свет внутри помещения без какого-либо огня, глухой непрерывный шум, источника которого он не мог определить. Чья-то рука. Чашка. Лист — нет, не бумага, что-то другое. Затем боль, резкая и последняя, после которой почему-то не наступило обычного размывания.

Поверх всего этого оставался человек.

Не очищенный до основы, не разобранный Рекой на то, что могло уйти дальше.

Целый.

Почти.

«Неправильно».

Само слово показалось непривычным. Он уже давно почти не нуждался в словах.

Душу тем временем продолжало тянуть прочь от Реки, и где-то рядом с ней возникало не место, а возможность — тот самый рисунок выхода, который он уже видел несколько раз за своё заточение.

Но этот был другим.

Ближе.

Сильнее.

И, главное, рядом не оказалось другой сущности.

Он искал их, насколько мог. Дальняя фигура оставалась неподвижной, другая тоже никак не реагировала. Возможно, они не чувствовали происходящего, возможно, просто не успевали изменить положение, а может быть, эта возможность по какой-то причине вообще не могла принадлежать им.

Он не стал выяснять.

Когда-то он слишком часто считал, что прежде необходимо понять всё. В другой период собственной жизни — что уже понял достаточно и дальнейшее ожидание только мешает действию.

Обе ошибки обошлись дорого.

Сейчас времени на третью не было.

Он попытался изменить положение.

Ничего.

Душа продолжала уходить.

Он попробовал снова, однако Река оставалась всё так же далеко.

Нет.

Не далеко.

Расстояние здесь не значило почти ничего.

Он просто был не там.

В уходящей душе вспыхнула ещё одна мысль — совершенно непонятная, выраженная на чужом языке, но настолько плотная, раздражённая и живая, что значение эмоции оказалось понятнее любых слов.

Живая.

Он снова заставил себя сместиться — и внезапно оказался ближе.

Впервые за бесчисленные годы движение подчинилось ему сразу.

Он продолжил.

Белая масса Реки заполнила почти всё восприятие, серебристые течения проходили настолько близко, что чужие жизни вспыхивали вокруг одна за другой. Одной души он коснулся случайно и на мгновение почувствовал смех, запах хлеба и чужие волосы возле лица, но тут же оттолкнул впечатление от себя.

Не эта.

Нужная душа уходила, а вместе с ней закрывался путь, существования которого он ждал дольше, чем когда-то могли просуществовать целые государства. Он сделал единственное, чему за это время сумел научиться у молчаливых фигур.

Он не попытался остановить душу, притянуть её к себе или заставить изменить направление, а просто вцепился в то, что уже уходило.

Чужая жизнь ударила в него почти целиком.

Боль, страх, непонимание и миллионы мелочей, значения которых он не успевал различать. Где-то среди них мелькнуло имя, но оно исчезло раньше, чем он сумел его разобрать.

Осталось другое.

Не мысль и не память, а отчаянное, почти оскорблённое человеческое несогласие с тем, что всё уже закончилось.

На этот раз он понял его без перевода.

Путь рванул душу прочь.

И его вместе с ней.

Река исчезла, следом исчез Котёл, растворились неподвижные фигуры и само ничто, которое удерживало его дольше, чем жили царства. Впервые больше чем за тысячу лет Бездна перестала быть единственной вещью, не способной измениться. Он не знал, куда его несёт, что будет дальше и существует ли это «дальше» для него самого.

Но после стольких веков, в которых практически ничего нельзя было сделать, подобные вопросы могли немного подождать.

Что-то происходило.

И он держался.

Глава 1

В квартире хватало мест для стульев: два предусмотрели возле раздвижного стола, ещё одну нишу — у стены. Возле окна стояло небольшое кресло.

И всё же один из стульев оказался втиснут между окном и кухонным модулем, немного боком, так что мешал открыть нижний ящик. Он заметил это ещё из прихожей, снимая куртку, и улыбнулся.

— Я его уберу, — сказала хозяйка квартиры.

— Зачем?

Она уже шагнула к нему, но остановилась.

— Ну… Он же не должен здесь стоять.

— Почему?

Теперь она посмотрела на него с подозрением, как на человека, который прекрасно знает ответ и зачем-то решил устроить проверку.

— Потому что вы его сюда не ставили.

— Это, конечно, серьёзный аргумент, — согласился он, повесил куртку и снова посмотрел на стул. — Но всё-таки пока не трогайте. Вы давно его сюда таскаете?

— Недели две.

Он снова посмотрел на стул, заинтересованный ещё сильнее.

— Почти каждый день?

— Да.

Хозяйка помолчала.

— Я почему-то была уверена, что вы расстроитесь.

— А я почему-то был уверен, что через месяц здесь обнаружится что-нибудь подобное. Так что пока мы оба немного разочарованы друг в друге.

Она рассмеялась и всё-таки оставила стул на месте. Квартира уже перестала выглядеть так, как на фотографиях после завершения работ, и именно ради этого он сегодня сюда пришёл. Исчезла аккуратность пространства, которое ещё никому не принадлежало: на столешнице появилась банка с чайными пакетиками, на ручке одного из шкафов висело кухонное полотенце, возле стены стояла коробка, которую явно собирались разобрать уже несколько дней, а на узкой полке у входа, предназначенной для ключей и мелочей, лежали перчатки, две квитанции, резинка для волос и маленькая отвёртка.

Последняя заинтересовала его особенно.

— А это зачем?

— Что?

Он показал на отвёртку.

— Полка в ванной.

— Уже?

— Она не сломалась.

— Тогда хуже.

— Почему сразу хуже?

— Если вещь сломалась, я хотя бы знаю, что произошло. А если человек достал отвёртку и начал что-то менять сам, значит, проект начал разговаривать со мной за моей спиной.

— Я просто переставила одну секцию.

— Покажете?

— Вы точно не будете делать такое лицо, будто я испортила вам ребёнка?

Он наконец прошёл дальше и оглянулся на неё.

— Если система, которую нельзя трогать после того, как я ушёл, считается моим ребёнком, то у меня очень странные представления о воспитании.

Квартира была небольшой, и при первом взгляде в ней не происходило ничего впечатляющего. Здесь не было стен, исчезавших по голосовой команде, мебели, выезжающей из пола, или экранов, которыми можно было управлять всей жизнью из одного кресла. Большая часть того, что менялось, менялась руками: лёгкая панель уходила вдоль направляющей, рабочая поверхность складывалась, один модуль хранения можно было развернуть, другой — переставить.

Именно поэтому квартира выглядела почти обыкновенной.

Он считал это одним из её главных достоинств. Хозяйка провела его в ванную и открыла высокий шкаф возле стиральной машины. Внутри две небольшие полки стояли заметно выше, чем было на последних фотографиях проекта.

— Вот.

Он присел, посмотрел на пустые крепления ниже и провёл пальцем по направляющей.

— Зачем подняли?

— Новая корзина не помещалась.

— И вы переставили полку сами?

— Да. А что?

— Прекрасно.

— Вы очень странно радуетесь неудачам.

— Я радуюсь тому, что вам не пришлось спрашивать у меня разрешения.

— А надо было?

— Вот если бы надо было, тогда у нас действительно была бы проблема.

Он выпрямился, ещё раз посмотрел внутрь шкафа и сделал несколько заметок в телефоне, не пытаясь вернуть ничего на прежнее место. Нижняя секция оказалась устроена именно для такого изменения, крепления были доступны без инструмента, но хозяйка всё равно использовала отвёртку, потому что один фиксатор оказался слишком тугим. Это уже было интереснее корзины.

— А вот это мне не нравится.

— Полка?

— Нет, то, что вам понадобилась отвёртка. Здесь она вообще не нужна.

— Я тоже так думала. Потом минут пять пыталась открыть эту штуку ногтем и решила, что проектировщик явно меня ненавидит.

— Проектировщик иногда принимает спорные решения.

— Надо же.

— Я с ним поговорю.

Она усмехнулась, а он несколько раз открыл и закрыл фиксатор. На третий раз тот действительно пошёл легче, но это ничего не меняло: если человек уже однажды потянулся за инструментом там, где инструмент не предусматривался, значит, устройство проиграло. Он добавил ещё одну заметку.

— Поменяем.

— Не обязательно.

— Обязательно.

— Но теперь-то я уже знаю, как он открывается.

— Вы знаете. Следующий человек опять возьмёт отвёртку.

— Какой следующий человек? Это моя квартира.

Он замер на секунду, затем убрал телефон.

— Справедливо.

Она посмотрела на него с явным удовольствием.

— Записать?

— Уже.

— Что именно?

— «Не проектировать для воображаемого следующего человека, когда перед тобой стоит настоящий».

— Мне нравится.

— Мне тоже. Поэтому особенно неприятно, что я сам это постоянно забываю.

Они вернулись в общую комнату. Пока хозяйка ставила чайник, он снова посмотрел на стул возле окна и теперь уже не пытался понять, почему тот мешает ящику. Гораздо важнее было другое: почему она каждый день соглашалась на это неудобство.

— Так что со стулом?

— Я здесь завтракаю.

— Здесь?

— Угу.

— А стол?

— За столом я работаю.

— Но ведь он раскладывается за двадцать секунд.

— Знаю.

— Тогда почему каждый день вы приносите сюда стул?

Она задумалась.

— Наверное, потому что утром не хочу сидеть там же, где потом весь день работаю.

Он перестал печатать.

— То есть дело не в столе, а в том, что он рабочий?

— Именно. Когда он сложен, я всё равно знаю, что через час разложу его, поставлю ноутбук и сяду там до вечера.

Он посмотрел на окно.

Стул действительно стоял неудобно. Чтобы выдвинуть ящик, его приходилось отодвигать, а если развернуться к окну целиком, колено почти касалось стены. С точки зрения первоначального проекта место было бессмысленным.

С точки зрения человека, который хотел хотя бы первые двадцать минут дня не сидеть на работе, — вполне логичным.

— Вот теперь отлично.

— Опять?

— Теперь по-настоящему.

— И что будете делать?

Он обвёл взглядом пространство между окном, кухней и стеной, потом встал, проверил расстояние до подоконника и машинально потянулся к рулетке, которую носил в сумке.

Хозяйка заметила движение.

— Нет.

Он посмотрел на неё.

— Что «нет»?

— Ничего вы сейчас не будете перестраивать.

— Я только измерю.

— Вы только измерите, потом скажете, что надо сдвинуть вот это, заменить вот то, привезёте какого-нибудь несчастного человека с инструментами, и через три дня у меня появится идеальное место для завтрака.

— Звучит неплохо.

— А мне нравится стул.

Он перевёл взгляд со стула на неё.

— Он мешает ящику.

— Ящик я открываю раз в неделю.

— Но…

Она подняла палец.

— Вы сами говорили, что здесь всё должно подстраиваться под меня.

Он закрыл рот.

Чайник щёлкнул.

Несколько секунд слышно было только, как вода перестаёт шуметь внутри корпуса.

— Это нечестный приём, — сказал он наконец.

— Почему?

— Вы используете мои собственные принципы против меня.

— Видимо, система работает.

Он посмотрел на стул ещё раз, затем медленно убрал рулетку обратно.

— Хорошо. Стул остаётся.

— Спасибо.

— Но фиксатор в ванной поменяем.

— Вот ведь не умеете проигрывать полностью.

— Это не проигрыш. Я просто отступаю на заранее подготовленную позицию.

Она налила чай и протянула ему кружку.

— Вы всегда так разговариваете?

— Когда мне дают чай — обычно лучше.

Он сделал глоток, поморщился от слишком горячей воды и снова оглядел квартиру. Именно сейчас, когда по ней уже прошлись чужие привычки, проект начинал становиться настоящим. Пока пространство существовало на чертежах, в моделях и даже в готовых фотографиях, оно оставалось набором предположений о жизни, а жизнь, как выяснялось всякий раз, обладала неприятной привычкой не читать пояснительную записку.

На кухонном модуле появилась кофемолка, для которой они не предусматривали отдельного места. Переносной светильник переехал из спальни к дивану. Раздвижная панель, позволявшая отделить рабочую зону, сейчас была закрыта лишь наполовину.

Он показал на неё.

— Так удобнее?

— Да.

— Почему не закрываете полностью?

— Тогда вечером кажется, что комната меньше.

— А наполовину?

— Рабочий стол не видно с дивана.

Он посмотрел на панель внимательнее.

— Но звукоизоляция почти не работает.

— После работы мне всё равно, насколько хорошо стол изолирован от меня акустически.

— Разумно.

— Спасибо.

— Ненавижу этот день.

Она снова рассмеялась.

Он записал и это.

В первые недели после заселения настоящая жизнь обнаруживала то, чего не предусматривали даже самые подробные сценарии.

Потому что проектировщик приходил в пространство работать.

Жилец приходил туда жить.

Разница иногда составляла один стул.

Иногда — всю квартиру.

Телефон коротко завибрировал в кармане. На экране высветилось сообщение от матери.

Ты сегодня будешь?

Он посмотрел на время и нахмурился. Потом быстро написал:

Да. Уже заканчиваю.

— Всё нормально? — спросила хозяйка.

— Да. Мне просто напомнили, что кроме этой квартиры существует ещё одна.

— Ваша?

— Нет. Моя мать до сих пор считает, что если я не появляюсь у неё несколько дней, то живу исключительно кофе и едой из коробок.

— А вы?

Он убрал телефон.

— Иногда я ещё ем в кафе.

— То есть женщина права.

— Я предпочитаю формулировку «располагает неполной, но тревожно репрезентативной выборкой».

— Вам правда пора домой.

— Уже почти.

Он вернулся в общую комнату, ещё раз прошёл взглядом по пространству и сделал последнюю заметку. Потом ещё одну, потому что заметил, как хозяйка, проходя мимо сложенного рабочего стола, автоматически обходит выступающий угол чуть дальше, чем требовалось. Он попросил пройти ещё раз.

Она остановилась.

— Вы издеваетесь?

— Нет, это важно.

— Я просто прошла по комнате.

— Именно.

— И?

— Вы обходите угол.

— Потому что однажды ударилась.

Он сразу присел возле столешницы.

— Сильно?

— Нет.

— Когда?

— На второй день.

Он провёл ладонью по краю. Скругление соответствовало проекту, выступ — тоже, проход оставался в пределах расчётного расстояния. Всё было правильно.

И всё же человек однажды ударился, после чего две недели каждый раз обходил это место на несколько сантиметров шире.

— Вот это уже нехорошо.

— Я привыкла.

Он поднял голову.

— Не лучший критерий.

— Почему?

— Потому что человек привыкает почти ко всему. Это не означает, что всё, к чему он привык, было хорошо устроено.

Он сказал это без привычной усмешки и ещё раз посмотрел на траекторию прохода. Можно было немного изменить положение опоры, можно было укоротить край, можно было

вообще ничего не трогать и сначала проверить, повторяется ли проблема при другом положении панели.

Последний вариант был самым разумным.

И самым раздражающим.

Он выпрямился.

— Сначала проверим, — решил он. — Может, дело в положении панели.

— Вы не собираетесь сразу переделывать?

— Мне тоже непривычно.

— Приятно наблюдать ваш профессиональный рост.

Через пятнадцать минут он наконец собрал сумку.

Потом обнаружил, что так и не проверил крепление раздвижной панели. Крепление оказалось исправным, зато при закрытой панели из спальни оставался неудобный доступ к выключателю. Основной сценарий освещения запускался автоматически, но само его наличие никак не отменяло того, что человек должен иметь возможность включить свет рукой без дополнительных движений.

Он записал и это.

— Вы ведь уже уходили, — заметила хозяйка.

— Ухожу.

— Сейчас?

— Практически.

— А ваша мать тоже так считает?

Он остановился с рукой на дверной ручке.

— Нет. Она придерживается традиционной лингвистической школы.

— Тогда бегите.

В подъезде он всё-таки достал телефон.

Я выехал.

Несколько секунд он смотрел на сообщение, потом добавил:

Правда.

Ответ пришёл почти сразу.

Фото из машины.

Он усмехнулся.

Недоверие разрушает семьи.

Я сказала фото.

Лифт приехал, двери открылись, и он вошёл внутрь, продолжая улыбаться. Уже там, пока кабина медленно спускалась, он снова открыл заметки и перечитал список.

Фиксатор полки. Стул у окна. Полузакрытая панель. Траектория вокруг рабочего стола. Ручной выключатель.

Пять мелочей.

Ни одной катастрофы.

Ни одного решения, которым можно было похвастаться на презентации.

И именно поэтому сегодняшний вечер оказался полезнее большинства презентаций. Он закрыл заметки только на первом этаже. Потом снова открыл и дописал одну строку:

Если человек постоянно пользуется пространством «неправильно», сначала проверить, не ошиблось ли пространство.

На этот раз телефон убрал окончательно.

Почти.

⁂

Мать открыла дверь раньше, чем он успел нажать на звонок.

— Фото было отвратительное.

Он замер с поднятой рукой.

— Здравствуй, мама.

— На фотографии половина руля, колено и какая-то светящаяся полоса.

— Зато технически я находился в машине.

— Я просила доказать, что ты едешь, а не прислать абстрактную композицию на тему дорожного движения.

— Чувствуется человек, который совершенно не уважает современное искусство.

Она пропустила его внутрь, дождалась, пока он снимет куртку, а потом обняла так буднично, словно они виделись вчера, хотя прошло несколько дней. Он ответил тем же и уже хотел отстраниться, но мать задержала его ещё на секунду, после чего внимательно посмотрела в лицо.

— Ты опять плохо спал.

— Началось.

— Я ещё ничего не сказала.

— Ты сказала «опять плохо спал».

— Это наблюдение.

— Я сегодня весь вечер рассказывал женщине, что наблюдение без достаточной выборки не позволяет делать выводы.

— А я собирала выборку тридцать один год.

Он открыл рот, подумал и кивнул.

— Принимается.

Из кухни тянуло чем-то запечённым, и желудок, которому до этого момента вполне успешно удавалось не участвовать в разговоре, немедленно предал хозяина довольно громким звуком.

Мать посмотрела вниз.

— А в кафе ты, значит, ел.

— Я не говорил, что сегодня.

— Руки мой.

— Мне тридцать один.

— Это прекрасно. Значит, к тридцати двум есть шанс научиться есть регулярно.

Он отправился в ванную, ещё из коридора сообщив, что подобные требования нарушают его право на свободное самоопределение, но мать уже не слушала.

У неё вообще была удивительная способность пропускать именно ту часть его аргумента, которая казалась ему наиболее убедительной.

Когда он вернулся, на кухонном столе уже стояли две тарелки, хлеб, салат и небольшая миска с соусом. Он сел, машинально потянулся за телефоном, увидел выражение матери и положил его экраном вниз.

— Я ничего не сделал.

— Поэтому я пока ничего не сказала.

— Репрессивная система, основанная на превентивном страхе.

— Ешь.

Он попробовал мясо и на несколько секунд замолчал.

Мать села напротив.

— Ну?

— Очень вкусно.

— Я не про еду.

— А зря. У еды сейчас заметно более высокие шансы получить положительный отзыв.

— Квартира.

Он прожевал, взял кусок поменьше и пожал плечами.

— Стоит.

— Это я поняла. Если бы упала, думаю, ты бы всё-таки написал.

— Не факт. Смотря насколько интересно упала.

Она посмотрела на него поверх стакана.

— Работает?

Вот на этот вопрос он ответил не сразу.

Ещё несколько часов назад ему было значительно проще рассуждать о тугом фиксаторе, неправильной траектории движения и стуле возле кухонного модуля, чем произнести одно короткое слово, которое последние несколько лет слишком часто существовало только в будущей форме.

Когда заработает.

Когда сделаем нормальный пилот.

Когда туда въедет настоящий человек. Когда появятся первые данные. Когда станет понятно, что идея была не только красивой.

Он положил вилку.

— Кажется, да.

Мать улыбнулась.

Не широко и не торжественно, а так, словно только этого ответа и ждала.

— Поздравляю.

— Рано.

— Конечно.

— У нас одна квартира и несколько недель наблюдений. Это вообще ничего не доказывает.

— Конечно.

— Там уже вылезли проблемы.

— Разумеется.

Он нахмурился.

— Ты сейчас даже не собираешься со мной спорить?

— Зачем? Я давно знаю порядок. Сначала ты говоришь, что всё получилось, потом минут десять объясняешь, почему ничего ещё не получилось, а месяца через три случайно признаёшь, что первый вариант всё-таки был неплохим.

— Это называется научная осторожность.

— Это называется невозможность порадоваться вовремя.

Он хотел ответить, однако обнаружил, что подходящей шутки почему-то не находится, поэтому снова взял вилку. Мать не стала развивать успех. Она вообще довольно хорошо знала, когда его лучше оставить в покое.

Несколько минут они ели молча. По телевизору в соседней комнате кто-то негромко рассказывал о погоде, с улицы через закрытое окно доносился приглушённый шум машин, а старые кухонные часы, которые мать уже несколько лет собиралась заменить, отмеряли секунды слишком громкими щелчками.

Он посмотрел на них.

— Они всё ещё спешат?

— На две минуты.

— Я могу посмотреть.

— Нет.

— Почему?

— Потому что я хочу поужинать.

— Часы находятся в двух метрах от стола.

— Именно поэтому я знаю, чем всё закончится. Ты снимешь их со стены, найдёшь ещё что-нибудь, потом решишь, что крепление неудобное, и в половине двенадцатого я буду держать тебе фонарик.

— Когда это такое было?

Мать задумалась.

— Холодильник.

— Это другое.

— Шкаф в прихожей.

— Там дверь провисла.

— Полка в ванной.

— Она могла упасть.

— Розетка возле дивана.

Он помолчал.

— Там действительно было опасно.

— Вот поэтому часы будут спешить.

Он посмотрел на них ещё раз.

— На две минуты.

— Я переживу.

— Это начинается с двух минут.

— А заканчивается чем?

— Системным крахом.

Мать вздохнула.

— Ешь.

Он подчинился.

На кухне почти ничего не менялось годами. Чашки стояли в одном шкафу, чай — в соседнем, а половник по неизвестной причине всегда лежал в ящике. Он когда-то предлагал всё переставить. Мать отказалась. Тогда это его раздражало. Теперь он уже знал, что иногда система становится удобной просто потому, что человек прожил внутри неё достаточно долго. Не всякую привычку требовалось исправлять.

Он потянулся за половником, машинально открыл шкаф и только потом вспомнил, что мать по-прежнему хранит его в ящике.

— Это преступление против логики.

— Ты говоришь это десять лет.

— Продолжительность нарушения не делает его нормой.

— Ты мне сейчас мои часы пытаешься продать другим способом?

— Как со стулом?

Он остановился с половником в руке.

— Откуда ты знаешь про стул?

— Ты прислал фотографию. Он стоял очень странно.

— Вот! Спасибо за независимое подтверждение.

— Ты его переставил?

— Нет.

— Кто ты и что сделал с моим сыном?

— Хозяйке так удобнее завтракать.

— Значит, пусть стоит.

Он вздохнул.

— Знаешь, я сегодня минут десять шёл к этому выводу.

— Мог бы сначала позвонить матери.

Он улыбнулся, но через мгновение снова задумался.

— Вообще странно.

— Что?

— Я столько лет пытался сделать пространство, которое не заставляет человека жить так, как решил проектировщик, а сегодня первое, что хотел сделать, — убрать её стул.

— Потому что он стоял неправильно.

— Именно.

Мать пожала плечами.

— Ты всегда был таким.

— Каким?

— Тебе надо, чтобы всё работало.

— По-моему, это хорошее качество.

— Хорошее. Пока ты помнишь, что люди не мебель.

Он посмотрел на неё.

Она спокойно продолжила есть, будто только что не сформулировала в одной фразе примерно половину того, к чему он пришёл за годы работы.

— Ты сейчас специально?

— Что?

— Ничего.

— У тебя опять лицо, как когда ты собираешься записать чужую мысль себе.

— Я никогда так не делаю.

— Конечно.

Он взял телефон.

— Даже не думай.

— Я только…

— Положи.

— Хорошо.

Телефон снова лёг экраном вниз.

Мать некоторое время смотрела на него, затем всё-таки смягчилась.

— А помнишь ту комнату?

Он понял сразу.

— К сожалению.

— Почему «к сожалению»? Нормальная была комната.

— В ней одновременно стояли кровать, два шкафа, стол, бабушкино кресло и сушилка для белья.

— Вот видишь, сколько всего помещалось.

— Это не аргумент в пользу помещения. Это аргумент против законов геометрии.

— А твои полки?

Он усмехнулся.

— Те, об которые я бился головой, или те, из-за которых шкаф перестал открываться?

— Зато потом стало удобно.

— С третьего раза.

— Не порть легенду.

Она улыбнулась, и на несколько секунд он снова увидел ту тесную комнату гораздо яснее, чем хотел. После смерти отца всё тогда происходило слишком быстро: документы, разговоры взрослых, продажа квартиры, коробки, вещи, которым внезапно требовалось найти место в доме, где до них уже жили другие люди. Он был достаточно взрослым, чтобы понимать причины, и слишком молодым, чтобы иметь возможность что-нибудь с ними сделать. Поэтому начал с пространства.

Передвинул стол.

Потом полку.

Потом понял, что полка мешает.

Снял её.

Сделал другую.

Отец оставил после себя инструменты, а инструменты были значительно понятнее многих вещей, происходивших вокруг.

Если доска слишком длинная, её можно укоротить.

Если крепление не держит, его можно заменить.

Если что-то не помещается, иногда достаточно перестать считать первоначальное расположение единственно возможным.

С людьми всё оказалось сложнее.

— Ты опять ушёл куда-то, — сказала мать.

Он моргнул.

— Думаю.

— Опасное занятие.

— Иногда помогает.

— Про папу?

Он чуть помедлил, потом кивнул.

Мать ничего не сказала.

В этом тоже было что-то давно отработанное между ними: отец не являлся запретной темой, вокруг которой нужно было каждый раз менять голос, но и вытаскивать его в разговор только ради обязательной грусти никто не пытался. Через несколько секунд она спросила:

— Он бы понял твою квартиру?

— Он бы первым делом нашёл, что сделано плохо.

— Значит, понял бы.

— Скорее всего.

— А потом?

Он улыбнулся.

— Потом сказал бы, что я слишком усложнил половину узлов.

— И был бы прав?

— Разумеется, нет.

Мать посмотрела на него.

— В трёх местах.

— Вот теперь верю.

Он снова потянулся к телефону. На экране уже ждало несколько рабочих сообщений. Одно сопровождалось фотографией крепления, и он машинально увеличил изображение.

Мать молча протянула руку.

— Серьёзно?

— Отдавай.

— Мне тридцать один.

— Вот и попробуй прожить десять минут без телефона.

Он ещё секунду сопротивлялся из принципа, затем положил аппарат ей в ладонь. Мать унесла его на холодильник.

— Это унизительно.

— Зато теперь можешь разговаривать.

— Я и с телефоном умею разговаривать.

— С телефоном ты умеешь разговаривать замечательно.

Он хотел возразить, но передумал.

— Хорошо. О чём?

Мать встала, собрала тарелки и поставила их в раковину.

— Например, о том, когда ты последний раз был дома до десяти вечера.

— Сегодня буду.

— Это не ответ.

— Сегодня считается.

— Ты ещё не дома.

— Ты сама говоришь, что я у тебя дома.

— Не выкручивайся.

Он откинулся на спинку стула.

— Последние недели просто сумасшедшие. Пилот запустили, нужно собрать первые данные, потом исправить то, что вылезет, параллельно идёт ещё два проекта. Сейчас пройдёт этот этап, станет спокойнее.

Мать вытерла руки полотенцем и повернулась к нему.

— Когда?

— Что когда?

— Когда станет спокойнее?

Он чуть усмехнулся.

— Ну, как только…

— Нет. Когда?

Он посмотрел в сторону окна.

— Через месяц, наверное.

— В прошлом году было «после Нового года».

— Ситуация была другая.

— Потом «когда найму ещё одного человека». Потом «когда закончу методику». Теперь вот квартира.

— Мам, она действительно важная.

— Я знаю.

В её голосе не было раздражения, и именно поэтому защищаться становилось сложнее.

— Мам, я же не жалуюсь.

— Я тоже.

— Мне нравится то, чем я занимаюсь.

— Я знаю.

— Тогда в чём проблема?

Она помолчала, подбирая слова.

— Ни в чём. Я просто иногда не понимаю, когда ты собираешься начать жить не после чего-то.

Он улыбнулся, но на этот раз шутка появилась слишком поздно и показалась ему самому довольно дешёвой, поэтому он её не произнёс.

Мать продолжила уже легче:

— Ты всё время как будто достраиваешь коридор до собственной жизни. Ещё один проект, ещё один заказ, ещё одна проверка — и там, за следующей дверью, наконец можно будет остановиться.

— Очень архитектурная претензия.

— Стараюсь разговаривать на понятном тебе языке.

— Ценю.

— Так когда?

Он задумался.

Честный ответ был неприятным именно потому, что не существовал.

Не было даты, после которой работа станет законченной. Если ALIS действительно работает, дальше требовалась следующая квартира. Потом несколько квартир. Потом нормальная статистика, партнёры, производители, документация, сертификация — сотни вещей, о которых ещё год назад он только мечтал.

Проблема мечты состояла в том, что после осуществления она редко освобождала расписание.

Обычно она требовала больше времени.

— Я не знаю, — сказал он.

Мать кивнула, и неожиданно этого оказалось достаточно.

— Вот. Это уже нормальный ответ.

— Мне не нравится.

— Поэтому нормальный.

Он посмотрел на холодильник, где лежал его телефон.

— Можно мне теперь средство психологической защиты обратно?

— Нет.

— Жестокий человек.

— Чай будешь?

— Буду.

Пока она ставила чайник, он наконец поднялся и подошёл к окну. За стеклом горели окна соседних домов, на стоянке кто-то долго и безуспешно пытался втиснуть машину между двумя другими, а на верхнем этаже дома напротив человек вышел на балкон в домашней одежде и почти сразу вернулся обратно.

Тысячи квартир.

Разные люди.

Разные способы жить внутри примерно одинаковых коробок.

Ему стало интересно, где у того человека стоит стул.

— Только не начинай, — сказала мать за спиной.

Он обернулся.

— Что?

— У тебя опять рабочее лицо.

— Я смотрю в окно.

— Ты умеешь работать даже с окном.

— Это талант.

Она поставила перед ним чашку.

— А отпуск?

— Что отпуск?

— Когда ты последний раз куда-нибудь ездил не по работе?

— Я езжу.

— Куда?

Он начал вспоминать.

Это заняло подозрительно много времени.

— Вот видишь.

— Был конференц-центр за городом.

— По работе.

— Там был бассейн.

— Ты в него ходил?

— Нет.

— Следующий.

— Мы ездили смотреть производство в…

— По работе.
— Ты очень сильно ограничиваешь критерии.
— В этом и смысл.
Он рассмеялся.
— Хорошо. Я подумаю.
— Нет.
— Что опять?
— Ты умеешь думать профессионально. Мне нужен другой глагол.
— Какой?
— Поедешь.
— Куда?
— Мне всё равно.
— Очень качественное планирование.
— Зато выполнимое.
Он покрутил чашку в руках.
— Ладно.
— Что «ладно»?
— После…
Мать подняла бровь.
Он остановился.
— Хорошо. Без «после».
— Уже прогресс.
— В следующем месяце выберу несколько дней.
— Неделю.
— Четыре.
— Неделю.
— Пять?
— Неделю.
Он вздохнул.
— Ты очень плохо торгуешься.
— Зато эффективно.
— Ладно. Неделю.
Мать улыбнулась и вернула телефон.
— Спасибо.
— За что?
— Посмотрим, сначала сделаешь ли.
Экран тут же загорелся новым сообщением. Он прочитал первые две строки.
Мать не сказала ничего.
Он ещё несколько секунд смотрел на сообщение, потом заблокировал экран и положил телефон рядом с чашкой.
— Завтра.
— Что?
— Ответить можно завтра.
Она чуть улыбнулась, но комментировать не стала. Через полчаса он уже стоял в прихожей, застёгивая куртку, а мать складывала в пакет контейнеры с едой.
— Мне столько не нужно.
— Знаю.
— Тогда зачем?

— Потому что иначе через два дня ты снова будешь рассказывать кому-нибудь про репрезентативную выборку из кафе.

— Один раз сказал.

— Мне хватило.

Он взял пакет.

— Спасибо.

— В воскресенье приедешь?

Вопрос прозвучал настолько буднично, что он почти автоматически собирался ответить привычным «посмотрим», но вовремя остановился.

— Приеду.

— Во сколько?

— А вот это уже попытка ограничить мою свободу.

— В два?

— В три.

— В два.

— Ты зачем спрашивала?

— Чтобы дать тебе иллюзию участия.

Он рассмеялся.

— В два.

Мать поправила ему воротник, хотя он немедленно попытался отстраниться.

— Мам.

— Стой.

— Я способен самостоятельно…

— Вижу.

Она закончила и отступила.

Он взялся за ручку двери, но перед тем как выйти, неожиданно повернулся.

— Правда ведь работает?

Мать на секунду не поняла.

— Что?

— Квартира.

Она посмотрела на него уже без улыбки.

— Ты мне скажи.

Он помолчал, а потом кивнул.

— Работает.

На этот раз слово далось легче.

— Тогда поздравляю.

Он улыбнулся.

— Спасибо.

Дверь закрылась за ним, и несколько секунд он просто стоял на лестничной площадке с пакетом еды в одной руке и телефоном в другой.

На экране всё ещё висело непрочитанное рабочее сообщение. Он убрал телефон в карман, не открывая.

До завтра действительно ничего не случится.

По крайней мере, ничего такого, что он способен исправить сегодня.

И впервые за долгое время эта мысль не вызвала у него раздражения.

⁂

За следующие несколько недель выяснилось, что стул никуда не делся. Фиксатор в ванной заменили, положение опоры возле рабочего стола немного изменили, а полузакрытую панель решили оставить как есть. Костя постепенно привык к мысли, что хорошее решение не всегда

требует нового механизма. Замечаний после первого пилота оказалось неожиданно много. Они занимали несколько файлов, часть доски в студии и бумажную тетрадь, которую он завёл после того, как коллеги раскритиковали его собственную систему организации данных. Сначала он обиделся. Потом посмотрел. Потом завёл тетрадь.

— Значит, я правильно понимаю, — сказал сидевший напротив сотрудник, — что этот вариант мы больше не рассматриваем?

— Какой именно?

— Тот, который ты последние двадцать минут защищаешь.

Он посмотрел на экран.

— Я не защищаю. Я проверяю, нельзя ли его спасти.

— А разница?

— Огромная. Защищать плохое решение — глупость. Пытаться понять, почему оно плохое, — работа.

— Ты только что назвал его хорошим.

— Это было восемнадцать минут назад. Люди развиваются.

За большим рабочим столом кто-то фыркнул, не отрываясь от ноутбука.

Студия была небольшой, и полноценным офисом её можно было назвать главным образом из уважения к налоговой документации. Несколько рабочих мест, переговорный стол, стеллаж с образцами материалов, шкаф, содержимое которого уже давно перестало совпадать с наклеенными на полках подписями, и небольшая зона с кофемашиной занимали помещение почти целиком. Когда-то он собирался сделать здесь образцовое пространство собственной системы, а потом выяснилось, что арендодатель не разделяет энтузиазма по поводу изменения перегородок, команда предпочитает обычные столы, а деньги разумнее вложить в пилот.

В результате студия, посвящённая адаптивным пространствам, сама адаптировалась самым древним способом из существующих: люди принесли то, что им было нужно, переставили половину мебели и научились не замечать остальное.

Его это теперь скорее радовало.

— Хорошо, — сказал он, закрывая один из чертежей. — Убираем.

— Наконец-то.

— Но сохраняем отдельно.

— Зачем?

— Чтобы через полгода кто-нибудь не предложил то же самое с формулировкой «а что, если».

— Ты?

— Особенно я.

Сотрудник сделал пометку.

— Тогда следующий вопрос — второй пилот.

Вот от этих слов настроение у него всякий раз немного менялось, хотя он старательно делал вид, что ничего особенного не происходит.

Ещё несколько месяцев назад само сочетание звучало настолько самоуверенно, что он избегал произносить его вслух. Сначала требовалось закончить первый проект. Потом заселить человека. Потом убедиться, что ничего не развалилось. Потом получить хотя бы первые данные эксплуатации.

Теперь всё это произошло, а мир, к некоторому его удивлению, не остановился, чтобы торжественно отметить достижение. Просто появилась следующая работа.

— Я бы не называл его вторым пилотом, — сказал он.

За столом воцарилось знакомое молчание.

— Почему?

— Потому что мы пока не знаем, что именно будем делать.

— А как его называть?

— Следующим объектом.

— Очень вдохновляюще.

— Хорошо. «Таинственный следующий объект, который однажды изменит человечество».

— Уже лучше.

— Можно ещё добавить музыку.

— В смету?

— Обязательно.

Он встал и подошёл к доске, на которой рядом висели фотографии квартиры, схемы нескольких узлов и длинный список замечаний, поделённый на три колонки. Первая называлась «Исправить». Вторая — «Проверить ещё раз». Третья сначала называлась «Пользователь делает ерунду», но после первого же эксплуатационного визита её переименовали в «Мы чего-то не поняли».

Третья колонка росла быстрее остальных.

— Если делать следующий объект, — сказал он, — мне не хочется просто повторить эту квартиру на другом метраже. Иначе мы проверим только то, умеем ли мы второй раз сделать примерно то же самое.

— А что хочешь проверить?

Он взял маркер, некоторое время смотрел на доску, а затем написал под свободным участком:

ДРУГОЙ СЦЕНАРИЙ
ЖИЗНИ.

— Нужен другой пользователь, — сказал он. — Не тот, кто работает дома один, а человек с настоящим конфликтом потребностей: семья с ребёнком, пара с разными графиками или тот, кому нужна помощь. И выбирать стоит не самый эффектный случай, а тот, где проблема действительно существует.

— А какой выбирать?

— Тот, где проблема настоящая.

— Звучит как очень удобный критерий.

— А я вообще известен точностью технических заданий.

Сотрудник посмотрел на доску.

— Мы такое потянем?

Вопрос прозвучал без шутки, поэтому он тоже не стал отшучиваться сразу.

На столе лежали расчёты. Первый объект обошёлся дороже запланированного, а некоторые узлы требовали слишком много ручной работы. Сразу начинать строительство второго было рискованно.

Но пилот работал.

— Если сначала разберём результаты и упростим то, что можно, — возможно, потянем, — сказал он.

— «Возможно» меня пугает.

— Меня тоже. Значит, оценка реалистична.

Он вернулся за стол и открыл финансовый файл. В левом нижнем углу экрана всплыло напоминание.

Отпуск. 7 дней.

Он мгновенно закрыл его.

— Нет, — сказал сотрудник.

— Что?

— Я видел.

— Ты видел конфиденциальную информацию.

— У тебя отпуск.

— Это пока рабочая гипотеза.

— Там написано «отпуск».

— Название календарного события не является юридическим обязательством.

Из-за соседнего стола донеслось:

— Я сделаю скриншот и отправлю твоей матери.

Он медленно повернулся.

— В этой компании совершенно разрушена субординация.

— У нас нет субординации.

— Вот именно. Разрушена полностью.

— Ты же сам так хотел.

— Молодой был. Ошибался.

— Тебе тридцать один.

— Очень молодой.

Он снова открыл расчёты, всё ещё улыбаясь, но напоминание об отпуске успело сделать своё дело. Неделя действительно стояла в календаре, причём впервые за несколько лет это была настоящая неделя, в которую он не вписал ни встречи, ни поездку на производство, ни конференцию под видом отдыха.

Оставалось решить, куда ехать.

На этот вопрос за три недели он продвинулся примерно никак.

Мать уже прислала несколько вариантов, из которых два были, по её мнению, «нормальными», один — «если хочешь ходить и смотреть архитектуру, раз уж совсем не можешь просто лежать», а последний она сопроводила отдельной припиской:

Это не объект.

Там нельзя ничего проектировать.

Он сохранил именно его.

— А сроки? — спросил сотрудник.

— По следующему объекту?

— По всему.

— Очень профессиональная постановка вопроса.

— Учусь у лучших.

Он посмотрел на календарь и начал прикидывать. Несколько задач следовало закрыть до отпуска, ещё две можно было спокойно передать, одну — он почти физически почувствовал сопротивление этой мысли — вообще не требовалось делать лично.

— Завтра распределим, — сказал он.

— Что именно?

— Мои задачи.

Сотрудник поднял глаза.

— Все?

— Не наглей.

— Я просто хочу зафиксировать исторический момент.

— Часть.

— Добровольно?

— Пока ещё добровольно.

— Тебя кто-то шантажирует?

— Да. Женщина, у которой хранятся мои детские фотографии.

— Тогда серьёзно.

Он хотел ответить, но в голове вдруг неприятно кольнуло. Обычная короткая боль, настолько незначительная, что он машинально потёр висок и продолжил смотреть в таблицу. Последние дни были длинными, кофе — явно лишним, а шея после нескольких часов за экраном и без того требовала отдельного проекта по реконструкции.

— Вот этот блок, — сказал он, указывая на строку, — можно полностью отдать вам. Только сначала надо…

Боль вернулась.

На этот раз сильнее.

Он замолчал.

Не потому, что потерял мысль. Скорее мысль всё ещё была на месте, но внезапно оказалась где-то очень далеко от необходимости её закончить.

— Что?

Он поднял руку, показывая, что сейчас продолжит, и на несколько секунд закрыл глаза.

Странно.

Боль словно возникла не в голове, а сразу заняла её всю, слишком быстро, без привычного перехода от неприятного ощущения к сильному. Он открыл глаза и обнаружил, что изображение на мониторе почему-то стало труднее собрать в единое целое.

— Ты нормально?

— Сейчас.

Он попытался вдохнуть глубже.

Не помогло.

Ещё несколько секунд назад он мог бы пошутить про количество кофе, возраст, давление или наконец наступившую расплату за таблицы.

Почему-то не хотелось.

Он повернулся к сотруднику.

— Подойди.

Тот сразу встал.

Боль усилилась настолько резко, что стол будто качнулся, хотя он видел, что ничего вокруг не двигается. Он положил ладонь на край, скорее проверяя собственную устойчивость, чем пытаясь удержаться.

— Что случилось?

— Не знаю.

Голос прозвучал нормально. Это немного успокоило.

Потом его затошнило.

И уже не успокоило.

— Скорую, — сказал он.

Сотрудник смотрел на него ещё долю секунды, будто ожидал продолжения.

— Сейчас.

Телефон оказался у того в руке почти мгновенно.

Он попытался встать и сразу понял, что это было плохой идеей: пространство ушло в сторону, колени ослабли, а левая рука почему-то не сразу сделала то, что он от неё потребовал.

Вот тогда стало страшно.

Не абстрактно, не тем привычным тревожным «что-то не так», которое обычно заканчивается водой, таблеткой и несколькими часами сна, а очень ясным, холодным пониманием, что происходит нечто, над чем у него нет контроля.

— Не вставай.

Он уже и сам это понял.

Опустился обратно на стул, затем почти сразу решил, что лучше на пол, потому что падать оттуда будет некуда.

— Дверь, — сказал он.

— Что?

— Открой входную дверь. Чтобы не ждать.

Сотрудник передал оператору адрес, одновременно направляясь в коридор.

Хорошо.

Адрес назван.

Дверь откроют.

Следующая задача.

Он достал собственный телефон.

Экран загорелся, но пальцы слушались хуже, чем должны были. На секунду возникло нелепое раздражение: крупная кнопка экстренного вызова была перед глазами, а попасть по обычному списку контактов почему-то оказалось сложнее, чем несколько минут назад работать с таблицей.

Мать.

Надо позвонить матери.

Он нажал.

Вызов пошёл.

Один гудок.

За ним второй.

— Да?

Он открыл рот.

И вдруг не понял, что именно собирался сказать.

«Привет» показалось слишком обычным.

«Мне плохо» — недостаточным.

«Я вызвал скорую» звучало так, будто разговор уже был начат раньше.

— Ты где? — спросила мать.

Он посмотрел на открытую дверь студии.

— На работе.

— А голос почему такой?

Она услышала.

Разумеется.

Тридцать один год выборки.

— Мам, мне плохо. Скорую уже вызвали.

Пауза оказалась очень короткой.

— Что случилось?

— Голова. Сильно.

— Ты один?

— Нет.

— Дай телефон кому-нибудь.

Он хотел сказать, что может объяснить сам, однако внезапно понял, насколько бессмысленным было бы сейчас спорить ради самостоятельности.

— Хорошо.

Сотрудник уже вернулся, и он протянул ему телефон.

— Мама.

Тот взял аппарат.

— Здравствуйте. Да, я рядом с ним. Скорую вызвали, дверь открыта. Да. Да, конечно.

Он слушал разговор, прислонившись спиной к шкафу. Странно, что шкаф стоял именно здесь. Когда они въехали, его собирались поставить у другой стены, но там он перекрывал

розетку, и поэтому шкаф переставили к входу. В итоге оказалось удобнее, хотя первое решение на плане выглядело логичнее.

Мысль была совершенно лишней.

Он это понимал.

И всё равно продолжал смотреть на шкаф.

— Они едут, — сказал сотрудник, присаживаясь рядом. — Мать тоже едет.

Он кивнул.

— Не надо было.

— Попробуй сам ей это объяснить.

В другой ситуации он бы ответил.

Сейчас только прикрыл глаза.

— Не засыпай.

— Я не сплю.

— Хорошо.

— Который час?

Сотрудник назвал время.

Он попытался запомнить и почти сразу понял, что не уверен, зачем. Боль не становилась слабее. Наоборот, она уже перестала восприниматься как отдельное ощущение и превратилась в фон всего остального, настолько мощный, что мысли приходилось буквально вытаскивать через него одну за другой.

Не паниковать.

Скорая вызвана.

Люди рядом.

Дверь открыта.

Мать знает.

Что ещё?

Он посмотрел на экран компьютера.

Таблица оставалась открыта на строке, которую он собирался передать другому человеку.

Рядом лежала тетрадь.

На доске было написано:

ALIS — Adaptive Living Interface System.

Адаптивная система жилого проектирования.

Он едва заметно усмехнулся.

Сотрудник сразу наклонился.

— Что?

— Ничего.

Шутить действительно не хотелось.

Это почему-то напугало сильнее.

Он всегда находил что-нибудь смешное. Иногда неудачное, иногда совершенно неуместное, но почти всегда находил — не обязательно произносил, однако сам механизм продолжал работать.

Сейчас механизм отключился.

Осталось только происходящее.

В коридоре послышались быстрые шаги и несколько голосов.

— Здесь!

Дальше всё стало дробиться: вопросы, на которые нужно отвечать; свет над головой; чьи-то руки; давление манжеты на плече; просьба улыбнуться; просьба поднять обе руки.

Одну поднять оказалось сложнее.

— Имя?

Он назвал его.

— Сколько лет?

— Тридцать один.

— Аллергии?

Ответил.

— Заболевания?

Ничего такого.

— Когда началось?

Он попытался посмотреть на часы и не смог нормально сфокусироваться.

— Минут… десять.

— Потеря сознания была?

— Нет.

— Рвота?

— Нет.

Почти сразу стало ясно, что последний ответ устарел.

Его успели повернуть.

Потом стало немного легче, хотя он понимал, что легче ему, скорее всего, только потому, что мир вокруг начал отдаляться.

Кто-то говорил с ним.

Он отвечал.

Кажется.

В какой-то момент его уже везли по коридору, и потолочные светильники один за другим проходили над глазами. Между ними оставались ровные промежутки, почти одинаковые, кроме одного места возле выхода, где лампа стояла чуть ближе к следующей. Он заметил это автоматически.

И впервые за много лет не попытался понять почему.

На улице было светло. Это почему-то удивило: ему казалось, что прошло гораздо больше времени. Возле машины стояла мать. Как она успела, он не понял. Возможно, времени действительно прошло больше.

Она была без пальто, хотя на улице было прохладно, и держала в одной руке сумку так крепко, словно только сейчас заметила, что вообще взяла её с собой.

— Я здесь. Костя, всё будет хорошо.

Он хотел ответить.

Хотя бы кивнуть.

Сказать, что слышит.

Сказать ей надеть пальто.

Сказать что-нибудь обычное, потому что всё происходящее было слишком неправильным и обычная фраза могла бы хотя бы ненадолго сделать вид, что это поправимо.

— Всё нормально, — сказал он наконец.

Она посмотрела на него так, что стало ясно: не поверила.

Он и сам не поверил.

Это была привычная фраза, которую люди произносят, когда ничего нормального в происходящем нет, но очень хочется хотя бы ненадолго вернуть миру знакомый порядок.

— Я с тобой поеду.

Кто-то объяснил, куда ей нужно ехать.

Двери машины закрывались. Мать осталась снаружи.

На мгновение он увидел её через стекло и вдруг подумал об отпуске.

Не о каком-то важном разговоре, не о детстве, не об отце и даже не о том, что следовало бы сказать человеку в такой момент. Просто о той самой неделе, которую он наконец согласился себе позволить.

Он ведь всё-таки обещал. Мысль показалась настолько неуместной, что почти вызвала привычную усмешку.

Почти.

Машина тронулась. Внутри было тесно, слишком светло и заполнено предметами, назначение большинства которых он понимал только приблизительно. Обычно это вызвало бы интерес, но сейчас он смотрел на них без всякого желания разобраться.

Кто-то снова задал вопрос.

Он ответил не с первого раза.

Потом ещё один.

Слово «аневризма» он всё-таки услышал. Не понял, утверждение это или предположение.

В какой-то момент стало трудно понять не только слова, но и саму необходимость отвечать.

Он закрыл глаза.

Ему велели открыть.

Он открыл.

Так продолжалось ещё некоторое время.

Потом исчезло и время.

Последнего мгновения он не заметил.

Не было точки, в которой можно было бы подумать: вот сейчас моя жизнь закончится.

Не было последней красивой мысли, окончательного вывода или возможности собрать тридцать один год в одну правильную фразу. Не вспомнились все люди, которых он любил, не открылась внезапно сущность прожитой жизни и не возникло никакой особенной ясности, которую смерть якобы обязана давать человеку из уважения к драматургии.

Просто в какой-то момент ещё существовали боль, свет, голос рядом и настойчивое желание успеть сделать следующий вдох.

А потом их не стало.

На Земле осталась открытая таблица.

На доске — список правок.

В телефоне — непрочитанные сообщения.

В календаре — неделя отпуска, на которую он наконец согласился.

У матери на кухне — старые часы, всё так же спешившие на две минуты.

Стул в первой квартире ALIS всё ещё стоял возле окна и мешал открыть нижний ящик.

Проект продолжал работать.

Он — нет.

Глава 2

Сначала не было ничего.

Это отличалось от темноты. Для темноты нужны глаза, которыми можно в неё смотреть. Здесь же не было ни тела, ни ощущения собственного положения. Он не лежал, не стоял и не двигался — ни одно из этих слов не подходило к тому, что с ним происходило.

И всё же он существовал.

Осознание пришло не сразу и показалось настолько нелепым, что некоторое время он пытался от него отделаться. Последнее, что он помнил, было тесным салоном машины, слишком ярким светом над головой и чьим-то голосом, который настойчиво требовал открыть глаза. Потом не стало даже этого.

Он умер.

Мысль возникла очень спокойно.

За ней почти сразу пришла другая.

«Вот дерьмо».

Удивительно, но даже без тела это оказалось вполне подходящей реакцией.

По привычке попытался вдохнуть. Ничего не произошло. Не было ни лёгких, ни самого ощущения нехватки воздуха.

— Хорошо, — попытался сказать он.

Голоса не получилось.

Мысль осталась мыслью.

Это уже нравилось значительно меньше. Попытался вспомнить собственное имя и вспомнил без труда. Затем фамилию. Адрес студии. Телефон матери. Стул возле окна. Старые часы, которые спешили на две минуты.

Всё было на месте.

От этого стало страшнее.

Если бы ничего не осталось, некому было бы беспокоиться по поводу отсутствия тела.

Попробовал пошевелить рукой, которой не существовало, потом ногой, которой тоже не существовало, а затем некоторое время занимался ещё несколькими столь же бессмысленными действиями, потому что привычка проверять систему на доступные способы взаимодействия пережила даже её полное отсутствие.

Результат во всех случаях оказался одинаковым.

Никакого результата.

«Отлично. Даже инструкции не оставили».

На этот раз шутка почти помогла.

Потом появилось движение.

Не почувствовал, как начал двигаться, потому что по-прежнему не знал, где находится, однако постепенно возникло очень ясное ощущение направления. Что-то несло его вверх, и вместе с этим первым ориентиром пространство словно начало собираться вокруг.

Сначала появился свет.

Не источник света, на который можно посмотреть, а бесконечная холодная белизна, пронизанная тонкими серебристыми и едва голубыми течениями. Она была повсюду, и лишь спустя некоторое время он понял, что не находится перед ней.

Он находится в ней.

Рядом двигалось что-то ещё.

Много.

Нет.

Не много.

Столько, что слово потеряло полезность.

Чувствовал их не как тела и даже не как отдельные фигуры. Скорее огромное количество присутствий, движущихся вместе с ним в одном направлении, причём каждое на мгновение могло стать чем-то узнаваемым, а потом тут же исчезало среди остальных.

Мелькнула смеющаяся женщина. Чьи-то босые ноги бежали по нагретому камню. Старик смотрел на руки, испачканные чем-то тёмным.

Кто-то очень хотел домой.

Ребёнок не понимал, почему мама больше не отвечает.

Затем вспыхнуло красное небо над незнакомым городом, пришёл запах воды, слишком солёной даже для моря, и чужое облегчение оттого, что боль наконец закончилась.

Он попытался отшатнуться.

Но отшатнуться было нечем.

Образы исчезли.

— Нет, — подумал он.

Ничего не ответило.

Попытался сосредоточиться только на себе, держась за собственные воспоминания так, словно те были предметами, которые можно прижать к груди.

Мать.

Студия.

Отец.

Квартира.

Работа.

Вдруг заметил, что последнее воспоминание потеряло какую-то мелкую деталь.

Какую именно, понять не удалось.

От этого внутри поднялся первый настоящий ужас.

Не боль.

Не отсутствие тела.

Даже не смерть.

Что-то забирало его.

Снова вспомнил мать и специально восстановил её лицо настолько подробно, насколько смог: линию губ, привычку чуть прищуриваться перед особенно неудобным вопросом, движение руки, когда она поправляла ему воротник, несмотря на все протесты.

Лицо оставалось.

Пока.

Поток продолжал поднимать его вверх.

Теперь он чувствовал, что вместе с движением что-то действительно меняется. Воспоминания не исчезали целыми кусками, скорее становились немного менее острыми, словно расстояние между ним и прожитой жизнью постепенно увеличивалось. Недавняя боль уже казалась чужой, запах студии приходилось восстанавливать намеренно, а собственная квартира почему-то вспоминалась хуже квартиры пилота.

— Нет.

На этот раз мысль получилась почти криком.

Не собирался соглашаться.

Только что умер — это уже было достаточно серьёзной уступкой обстоятельствам.

Исчезать дополнительно казалось избыточным.

Он цеплялся за всё подряд: пароль от компьютера, название любимого кафе, царапину на собственном столе, отвратительную фотографию руля, отправленную матери.

Всё моё.

Моё. Не трогать.

Поток не спорил.

И продолжал делать своё.

Где-то далеко наверху белое движение становилось шире, постепенно превращаясь во что-то настолько огромное, что он не мог понять, смотрит ли на поверхность или на пространство, заполненное светом. Туда шли все остальные.

Значит, вероятно, туда должен был идти и он.

Эта мысль почему-то немного успокоила.

Если уж умер, по крайней мере происходящее выглядело организованным.

Не особенно клиентоориентированным, но организованным.

Почти успел представить, что дальше произойдёт что-то окончательное, когда движение изменилось.

Не замедлилось.

Не ускорилось.

Его дёрнуло в сторону.

Ощущение оказалось настолько резким, что на мгновение вернулось забытое чувство тела — словно его схватили за грудь и со всей силы выдернули из быстро движущейся воды.

Только груди не было.

И воды тоже.

Белый поток продолжал идти вверх, а он внезапно двигался поперёк него.

— Нет.

Теперь паника пришла целиком.

Попытался удержаться за что-нибудь, но вокруг не существовало ничего, за что можно было ухватиться. Другие присутствия проносились мимо, свет растягивался в длинные холодные полосы, и впервые с момента смерти он почувствовал не просто движение, а чудовищное сопротивление самого направления, будто всё существующее вокруг продолжало идти вверх, пока его одного тянули туда, куда идти было нельзя.

Чужие образы ударили сразу десятками.

Смех.

Крик.

Дождь.

Руки на чьём-то лице.

Запах горелой ткани.

Первый снег.

Горечь лекарства.

Имя, которое он забыл прежде, чем понял, что услышал.

Другой мир.

Ещё один.

Ещё.

Попытался закрыться от них и не смог, потому что границы между собственным сознанием и окружающим потоком словно истончились.

А затем поток остался позади.

Это произошло не полностью.

Какая-то часть потока всё ещё касалась его, но впереди больше не было белого света.

Там не было вообще ничего.

Уже пережил отсутствие света после смерти и теперь мгновенно понял, что это другое. Та первая пустота была отсутствием восприятия.

Эта существовала.

Эта пустота не была чёрной, холодной или большой, потому что каждое из этих слов требовало свойств, которых у неё не было. И всё же, когда его протащило по самому её краю, он почувствовал нечто, для чего память услужливо предложила единственную нелепую аналогию.

Кто-то подошёл слишком близко.

Не человек.

Не существо.

Ничего.

Но это ничто оказалось рядом настолько, что исчезла даже мысль о расстоянии.

Прикосновения тоже не было, однако на мгновение он почувствовал себя так, словно что-то коснулось самой границы между ним и всем остальным.

Не ударило.

Не схватило.

Почти нежно.

Оттого стало хуже.

Время исчезло.

Мог находиться рядом с этой пустотой долю секунды или столько, сколько понадобилось бы, чтобы забыть слово «секунда». Ничто не делало с ним ничего, и всё же возникало чудовищно ясное ощущение, что оно не просто окружает его.

Оно остаётся.

А он уходит.

Это различие почему-то показалось важным.

Потом пришли голоса.

Сначала один.

Не разобрал слова, только услышал женскую интонацию, хотя у него по-прежнему не было ушей. Следом возник мужской голос, затем другой, детский, старческий, низкий, высокий, спокойный, испуганный. Между ними попадались звуки, которые вообще не могли принадлежать человеческому горлу, и слова на языках, которых он никогда не слышал.

Они накладывались друг на друга.

Тысячи.

Миллионы.

Каждый произносил что-то своё, и ни один не обращался к нему.

Но в тот момент, когда невидимая сила потянула его дальше от белого потока, все эти обрывки неожиданно совпали.

Не по звучанию.

По смыслу.

И его сознание услышало их как одну фразу:

Мы будем ждать.

Почувствовал такой страх, что впервые после смерти совершенно перестал шутить даже про себя.

— Кто?

Ответа не было.

— Кто вы?

Голоса уже рассыпались обратно на тысячи отдельных следов.

Чужая женщина кого-то звала.

Кто-то плакал.

Кто-то смеялся.

Кто-то произнёс последнее слово своей жизни на языке, которого он никогда не узнает.

Никто не повторил фразу.

Пустота тоже молчала.

И тогда что-то ещё коснулось его.

На этот раз он почти наверняка знал, что это было не ничто.

Чужое присутствие пришло сбоку, если здесь существовало «сбоку», и вцепилось в тот же маршрут, который уже тянул его прочь от белого потока. На мгновение в сознание вошло ощущение огромной усталости, настолько старой, что рядом с ней собственный тридцать один год показался случайной короткой мыслью.

А затем присутствие исчезло из восприятия.

Не ушло.

Осталось рядом.

Это было значительно хуже.

— Нет-нет. Вот этого точно не надо.

Никакой реакции.

Попробовал оттолкнуть чужое — без рук, без тела и без малейшего представления о том, что именно пытается оттолкнуть.

Ничего не получилось.

Сила, тянувшая их обоих, резко усилилась.

Пустота отступила.

И в последнее мгновение перед тем, как всё изменилось, ему показалось, что она снова приблизилась к нему — не вся бесконечная пустота, конечно, потому что у пустоты не могло быть намерения, а само ощущение её отсутствия, её неправильной неподвижности.

Короткое касание.

Почти поцелуй.

Который отправил в забытье…

⁂

Потом пришла боль.

Настоящая.

Физическая.

Она ударила сразу отовсюду, и после существования без тела даже боль показалась настолько оглушительно материальной, что он не сразу понял, почему не может закричать.

Что-то сдавливало грудь.

Сердце билось.

Нет.

Сердце.

У него снова было сердце.

Эта мысль едва успела возникнуть, когда тело само совершило первое отчаянное движение.

Воздух ворвался в лёгкие.

Закашлялся, захлебнулся собственным вдохом и дёрнулся всем телом, ощущая под спиной что-то холодное и твёрдое.

Света почти не было.

Где-то рядом капала вода.

Он лежал.

Существовали верх и низ. Руки. Ноги. Кожа. Вес.

Боль.

Холод.

И собственное бешено бьющееся сердце.

Сделал ещё один вдох, на этот раз осторожнее, и несколько секунд просто слушал, как воздух входит и выходит из лёгких.

Потом открыл глаза.

Над ним была неровная тёмная поверхность.

Первой мыслью было, что до неё подозрительно близко.

Второй — что называть её потолком можно только за неимением лучшего слова.

Лежал неподвижно ещё несколько секунд, стараясь не принимать никаких новых решений до тех пор, пока организм не определится хотя бы с базовыми правилами собственного существования. Воздух входил в лёгкие с неприятной сухостью, сердце колотилось быстро, но уже не так отчаянно, как в первые мгновения, а холод от поверхности под спиной постепенно начал пробираться глубже, превращаясь из отвлечённого факта в вполне конкретную причину наконец пошевелиться.

Поднял руку. Она поднялась.

После белого потока это само по себе заслуживало некоторого уважения. Пять пальцев. Ладонь. Ногти. Кожа. На первый взгляд ничего революционного.

Согнул пальцы, разогнул, несколько раз сжал кулак и только после этого заметил, что рука выглядит неправильно.

Не повреждённой.

Не больной.

Просто не его.

Пальцы были чуть длиннее, кисть — уже, запястье тоньше того, к которому он привык. Исчез маленький светлый шрам у основания большого пальца, оставшийся ещё в подростковом возрасте после особенно удачного знакомства со стамеской. Не было и едва заметного следа ожога на предплечье.

Поднёс вторую руку. Та оказалась такой же чужой.

— Хорошо, — произнёс он и замолчал.

Голос тоже был не его.

Сказал ещё раз:

— Хорошо.

Ни черта не хорошо.

Голос звучал моложе, немного выше и чище, хотя определить это без привычной записи было сложно. Он всё-таки говорил своим ртом и слышал звук изнутри черепа, а такой способ прослушивания редко отличался объективностью. Сам факт наличия черепа всё ещё радовал.

Медленно провёл ладонями по лицу.

Подбородок. Скулы. Нос. Лоб.

Щетины почти не было.

Это насторожило сильнее, чем следовало. Пальцы прошли по ушам и задержались. Потрогал одно внимательнее. Потом второе.

— Нет.

Уши определённо были чуть вытянутыми кверху.

Не настолько, чтобы можно было немедленно решить, будто он проснулся внутри дешёвой постановки по фэнтези, но достаточно, чтобы несколько секунд сидеть, придерживая себя за ухо и испытывая очень сложную смесь профессионального любопытства, паники и личного оскорбления.

— Нет-нет. Давайте без этого.

«Давайте» прозвучало особенно бессмысленно, поскольку договариваться было не с кем.

Всё-таки сел. Мир немедленно качнулся, и ему пришлось упереться ладонью в поверхность рядом с собой. Тело отреагировало быстро: сердце ускорилось, перед глазами на мгновение потемнело, но уже через несколько вдохов стало легче.

На нём не было одежды.

Осознание пришло с некоторым запозданием исключительно потому, что предыдущие события убедительно заняли первые места в очереди проблем. Теперь же отсутствие одежды мгновенно поднялось в рейтинге, хотя вокруг всё ещё никого не наблюдалось.

Осмотрел себя внимательнее. Тело было мужским. Это уже хорошо. И молодым…

Значительно моложе того, которое он совершенно точно оставил в машине скорой помощи.

Живот был плоским, мышцы обозначались без особой массивности, кожа выглядела слишком чистой — ни привычных следов, ни старых царапин, ни мелочей, которые накапливаются на человеке за тридцать один год незаметно для него самого. Даже ногти были ровными и почему-то казались немного плотнее обычных.

Приложил пальцы к шее. Пульс был быстрым, но отчётливым.

Он проверил его ещё раз, скорее из упрямства, чем по необходимости.

— Так. Предположим.

Не знал, что именно собирался предположить.

Реинкарнация?

Посмертие?

Медицинская ошибка настолько масштабная, что она каким-то образом включала замену тела и транспортировку в неизвестное помещение?

Последний вариант хотя бы принадлежал физическому миру, но быстро проигрывал по количеству необходимых допущений.

Он умер — это по-прежнему казалось наиболее вероятным.

Затем были белый поток, невозможная пустота, голоса и чужое присутствие. А теперь он сидел голым в незнакомых руинах с новыми ушами.

Прекрасная последовательность событий.

Очень убедительная.

Если бы кто-нибудь рассказал ему такое вчера, он бы обязательно посоветовал человеку отдохнуть, проверить температуру и на всякий случай не садиться за руль.

Провёл языком по зубам. Замер. Вернулся к одному месту. Ещё раз. Верхние клыки были чуть длиннее привычных. Совсем немного.

— Разумеется.

Поднялся на ноги. На этот раз медленно. Тело оказалось лёгким и неожиданно хорошо слушалось, хотя ощущение собственной геометрии было неправильным. Колени находились как будто чуть не там, шаг требовал иной длины, плечи ощущались уже, а мир в целом почему-то располагался немного ниже.

Посмотрел на неровную стену всего в нескольких шагах, потом на свои ноги.

— Я ещё и выше?

Проверить было нечем. Но ощущение сохранялось.

Сделал осторожный шаг и едва не споткнулся, потому что тело ожидало движения немного раньше, чем его сознание успело правильно распределить вес. Пришлось остановиться, расставить ноги и несколько секунд просто постоять, внимательно прислушиваясь к мышцам. Второй шаг получился лучше. На третьем пришлось уже разворачиваться: пространства оказалось слишком мало. Но стало ясно, что он не разучился ходить, просто привычная карта тела была слегка неверной. Это неожиданно вызвало раздражение.

Из всех вещей, которые можно было потерять вместе с жизнью, автоматическое знание длины собственного шага казалось особенно мелочным.

Он прошёл тесную полость ещё раз, присел, поднял руки и попробовал встать на одну ногу. Равновесие держалось, хотя непривычная длина конечностей всё ещё мешала.

— Если кто-нибудь сейчас наблюдает, надеюсь, ему хотя бы весело.

Ответа не последовало.

Попытался подпрыгнуть — и едва не ударился макушкой о неровную поверхность.

— Прекрасно. Значит, с чувством меры у нового тела тоже проблемы.

Зато ничего не болело.

Точнее, почти ничего. Мышцы ощущались непривычно, кожа всё ещё помнила холод поверхности, сердце оставалось быстрым, но признаков травмы он не нашёл.

Это было неправильно.

После того, что произошло с ним в машине, он должен был быть мёртв. После того, что произошло потом, он вообще не представлял, каким должен быть.

Но точно не вот таким.

Живым, молодым и физически исправным. Это даже обрадовало.

Вдруг вспомнил мать возле машины скорой.

Улыбка исчезла.

До этого момента смерть существовала главным образом как технический факт: было старое тело, оно перестало работать, потом произошло невозможное продолжение. Теперь вместе с одним воспоминанием вернулось всё остальное.

Она осталась там.

Студия тоже.

Люди.

Работа.

Телефон в кармане, которого больше не было.

Отпуск.

Нелепая неделя в календаре.

Стоял голым в тесной неизвестной полости другого — или не другого — мира и впервые по-настоящему понял, что отсутствие собственной смерти совершенно не отменяет факта смерти для всех остальных.

Для матери он умер.

Даже если сейчас сердце билось настолько убедительно, что отдавалось в груди.

Несколько раз вдохнул, почувствовал, как внутри начинает подниматься паника, и почти автоматически занял себя первой доступной задачей.

Выход.

Сначала надо найти выход.

Потом одежду.

Потом людей.

Потом информацию.

Вопрос «потом как-нибудь вернуться домой» он сознательно не ставил даже в список, потому что задачи полезно формулировать так, чтобы существовал хотя бы теоретический способ начать их выполнять.

Снова осмотрел место, в котором проснулся.

Теперь, когда новое тело уже не требовало всего внимания сразу, детали стали заметнее. Овальная полость помещалась между чем-то, что когда-то явно было построено: с двух сторон под неровным покрытием угадывались жёсткие плоскости, выше одна уходила под другую, а пространство между ними словно когда-то засыпало и затем почему-то снова освободилось изнутри.

Никакой двери не было.

Это заметно ухудшало первый пункт плана. Поверхности вокруг покрывал странный суховатый материал. Не камень и не земля. Он напоминал спрессованную волокнистую массу, лёгкую и слоистую: если провести ногтем, верхний слой крошился тонкими пластинками, почти как очень плотная старая бумага. Никаких правильных швов, знаков или понятной конструкции — только тесный карман, возникший внутри чего-то значительно более древнего.

Провёл ладонью по ближайшей стене. Материал осыпался на пол.

— Отлично.

Голос нового тела всё ещё звучал непривычно.

— Значит, дверь мы просто не предусмотрели.

Никто не ответил.

Обошёл полость целиком. На это понадобилось раздражающе мало времени.

Один участок был твёрдым почти сразу под волокнистым слоем. Другой уходил глубже, но за ним обнаружилась земля. В третьем пальцы наткнулись на холодный край чего-то похожего на старую кладку.

Ни один вариант не выглядел выходом.

Остановился.

Воздух.

До сих пор он воспринимал его только как подтверждение того, что лёгкие работают. Теперь впервые задумался о другом: если полость закрыта со всех сторон, откуда здесь вообще берётся воздух?

Он замер, прислушиваясь к собственному дыханию, и медленно повернул голову.

По коже у правого виска прошла едва заметная прохлада.

Он поднял руку и начал проверять стену ладонью. Выше, почти у стыка двух древних плоскостей, сквозняк чувствовался отчётливее.

Под пальцами осыпался рыхлый материал. За ним обнаружилась узкая тёмная щель.

— А вот это уже похоже на план.

— Всё. Я тебя люблю.

Щель не ответила.

Начал разгребать края руками. Волокнистая масса ломалась слоями, осыпалась вниз и забивалась под ногти. Вскоре под покрытием обнаружились мелкие камни, земля и плотные обломки кладки. Один из них не поддавался, как он ни пытался сдвинуть его пальцами.

— Конечно.

На полу нашёлся камень с удобным краем. Он несколько раз ударил им по рыхлому участку, сменил угол — и наконец один из обломков вывалился наружу. Сквозняк стал заметнее.

Продолжил. Работа оказалась неприятной, грязной и значительно медленнее, чем хотелось. Несколько раз пришлось останавливаться, чтобы освободить место под ногами от осыпавшихся кусков. Один край оцарапал предплечье. Волокнистая пыль липла к влажной коже, а отсутствие одежды перестало быть только вопросом достоинства и стало очень практической проблемой. Зато щель росла. Сначала в ней появилась темнота другого оттенка. Потом — тонкая полоска серого света.

Замер.

Настоящего света.

Не белой массы, через которую он проходил после смерти, и не невозможной пустоты.

Обычного.

Снаружи что-то шевельнулось.

Тень прошла по щели и исчезла.

Почти отшатнулся, потом понял, что это могла быть ветка.

Могла.

— Прекрасно. Теперь ещё выясним, что там живёт.

Оставаться внутри всё равно было хуже.

Расширял отверстие до тех пор, пока в него не удалось просунуть плечо. Дальше мешал старый каменный край. Пришлось упереться ногами в противоположную стену и несколько раз

раскачать лежащий поперёк обломок. На третьей попытке тот сдвинулся. На четвёртой рухнул наружу. В полость ворвался холодный влажный воздух.

И запах.

Земля.

Кора.

Что-то зелёное и живое.

Закрыл глаза всего на секунду. Потом протиснулся в расщелину. Камень ободрал бок, пришлось выдохнуть и повернуться плечом, но ещё одно усилие — и ладони ушли в настоящую влажную почву. Он подтянулся, выбрался наружу и несколько секунд просто стоял на четвереньках, чувствуя под пальцами траву.

Перед ним был лес.

Высокие деревья поднимались по склону, смыкая кроны так плотно, что солнечный свет добирался до земли отдельными пятнами. Одни стволы были почти чёрными от влаги, другие покрывала шершавая светлая кора. Между ними рос густой подлесок, местами перехваченный длинными гибкими побегами.

Земля под ладонями оказалась удивительно тёмной. Там, где он только что выбирался из расщелины, рыхлая почва была почти чёрной, с мелкими светлыми прожилками корней и остатками перепревших листьев. Она легко проминалась под пальцами и пахла сыростью, грибами и чем-то терпким, незнакомым.

Рядом копошилось крошечное существо с блестящим панцирем. Он едва успел его заметить, прежде чем оно скрылось под листом. Чуть дальше из травы метнулась другая мелкая живность, заставив несколько стеблей качнуться.

Деревья росли прямо поверх древней кладки. Толстые корни охватывали камни, уходили в трещины и местами раздвигали их. Мох и кустарник скрывали большую часть стены. Стоило отойти на несколько шагов, и расщелину уже было трудно различить.

Он поднялся. Холод сразу напомнил, что одежды по-прежнему нет.

Но он был снаружи.

Здесь существовал ветер, шелестели листья, перекликались птицы и где-то ниже по склону шумела вода. После неподвижной тесноты руин даже это множество мелких звуков казалось почти оглушительным.

Оглянулся на расщелину. Если уйти, найти её снова будет трудно. Оставаться рядом тоже не имело смысла. Подобрал три камня и выложил возле корня небольшую метку. Посмотрел. Слишком похоже на случайность. Переложил один выше. Теперь выглядело так, будто кто-то очень старался сделать заметно.

— Отлично. Воскрес и первым делом занялся навигационным дизайном.

Взял ещё один камень, решая, стоит ли добавить его к остальным.

— Бесполезно.

Замер с камнем в руке.

Несколько секунд не происходило ничего. Лес оставался лесом: вода шумела где-то ниже по склону, над головой шевелились ветви, по коре ближайшего дерева прошёл короткий шелест. Голос прозвучал настолько отчётливо, что первой реакцией было не испугаться, а автоматически поискать человека, который мог находиться рядом.

Резко обернулся.

Никого.

За спиной оставалась только заросшая часть старой кладки и узкая расщелина, из которой он несколько минут назад выбрался наружу. Справа склон уходил вверх, слева между деревьями просматривалось метров двадцать леса, прежде чем кустарник снова закрывал всё остальное.

— Кто здесь?

Собственный голос прозвучал громче, чем хотелось.

Ответа не было.

Он прошёл вдоль стены, заглянул за ближайший ствол и остановился.

Никого.

Разум подсказывал, что искать человека, который прячется в лесу исключительно ради критики его каменной метки, довольно нелепо.

Значит, показалось.

Он вернулся к камням.

— Ладно. Значит, показалось.

— Нет.

Камень выпал из руки.

Вскочил настолько резко, что новая длина ног снова сыграла против него: пятка ушла по рыхлой земле, пришлось схватиться за дерево, чтобы не упасть. Сердце сразу разогналось, и несколько мгновений он просто стоял, вцепившись пальцами в кору.

Голос не пришёл ни справа, ни слева.

Не сзади.

Не из расщелины.

У него вообще не было направления.

— Где ты?

Пауза.

— Здесь.

— Где — здесь?

Ответ не последовал.

Медленно обернулся ещё раз, теперь уже понимая, что делает это скорее по привычке, чем потому, что действительно ожидает кого-то увидеть. Потом зажал ладонями уши.

— Скажи что-нибудь.

Несколько секунд голос молчал.

— Что-нибудь.

Мгновенно убрал руки. Звук не изменился. Не стал тише, не оказался приглушён пальцами и не сместился в ту сторону, где должен был находиться источник. Голос возник точно так же, как прежде, отчётливый и неприятно близкий.

Снова закрыл уши.

— Ещё.

— Это бессмысленно.

Отпустил руки.

По коже прошёл холод.

— Ты не снаружи.

Молчание.

— Я задал вопрос.

— Нет.

— Нет, ты не снаружи?

— Да.

Несколько секунд смотрел прямо перед собой, хотя ничего там уже не искал. Затем медленно сел на ближайший камень.

— Хорошо.

Провёл ладонью по лицу. Сердце всё ещё билось быстрее нормы, и теперь причина была не в новом теле, не в подъёме по склону и даже не в воспоминаниях о смерти. Внутри него находился голос.

Или ему казалось, что внутри него находится голос.

Второй вариант представлялся значительно привычнее и почему-то не особенно успокаивал.

— Значит так, — сказал он скорее себе. — Я умер. Потом была белая река, какая-то пустота, меня оттуда куда-то выдернуло, я проснулся в чужом теле внутри стены, выкопался наружу и теперь слышу человека, которого здесь нет.

Голос поправил:

— Я не говорил, что человек.

Замолчал.

— Вот эту часть можно было не добавлять.

Тишина.

Шутка не помогла почти совсем, однако хотя бы позволила произнести следующую фразу нормальным голосом.

— Ты слышишь меня сейчас?

— Да.

— Потому что я говорю вслух?

— Да.

Посмотрел на собственные руки. Потом намеренно подумал:

«Два красных стула».

Ничего.

«Три зелёных собаки едят телевизор».

Голос молчал.

— А то, что я сейчас думаю, ты слышишь?

— Нет.

— Вообще?

— Не словами.

— А как?

— Иногда понимаю твоё состояние.

— Например?

— Сейчас ты боишься.

Это не требовало никаких сверхъестественных способностей. Он был голым, примерно час назад умер и теперь разговаривал с кем-то внутри головы.

— Очень тонкое наблюдение.

Голос никак не отреагировал на иронию.

Это неожиданно оказалось полезно: по крайней мере, собеседник не пытался сделать вид, что уже понимает его лучше, чем следовало.

Намеренно подумал о матери.

Получилось слишком легко.

Она стояла возле машины скорой, без пальто, прижимая сумку к себе, и говорила, что поедет следом.

Боль пришла мгновенно.

Сам отвернулся, хотя голосу, вероятно, было совершенно всё равно, куда направлено его лицо.

— Теперь другое, — сказал голос.

Насторожился.

— Что другое?

— Не знаю.

— Ты только что сказал…

— Я знаю, что изменилось твоё состояние. Не знаю, почему.

Несколько секунд молчал.

Это уже было конкретнее. И, если голос не врал, чуть менее страшно.

Чуть.

— Ты можешь видеть мои воспоминания?

— Нет.

— Откуда мне знать, что ты не врёшь?

— Ниоткуда.

Ответ пришёл без колебания. Нахмурился. Почему-то именно отсутствие попытки убедить его произвело больше впечатления, чем любое заверение.

— Замечательно.

Встал и отошёл от руин на несколько шагов, просто чтобы проверить ещё одну вещь. Голос не изменился. Прошёл дальше. Ничего. Ещё дальше.

— Ты всё ещё здесь?

— Да.

Остановился.

— К сожалению.

— Для кого?

Вопрос был задан совершенно серьёзно.

Не сразу нашёлся.

— Пока не решил.

— Я тоже.

Вот это уже заставило его замолчать.

До сих пор он бессознательно воспринимал происходящее так, будто непонятная сущность намеренно появилась у него в голове и теперь по каким-то причинам отказывается объясняться. Возможность того, что голос сам оказался здесь не по собственной воле, раньше почему-то даже не приходила в голову.

— Ты не хотел здесь оказаться?

Пауза стала длиннее.

— Не так.

— Что значит «не так»?

Ответа не было.

Подождал ещё немного.

— Не хочешь говорить?

— Пока нет.

Слово «пока» понравилось ему ещё меньше, однако давить сейчас означало бы разговаривать с существом, о котором он не знал вообще ничего, и одновременно сообщать ему всё больше о себе.

Впервые за последние минуты желание получить ответы столкнулось с необходимостью просто перестать задавать вопросы.

Оглядел лес.

Вода всё ещё слышалась ниже.

Значит, ближайшая задача никуда не исчезла.

— Хорошо.

Голос промолчал.

Начал спускаться.

Первые несколько десятков шагов прошли в почти невыносимом ощущении чужого присутствия. Теперь, когда он знал, что оно существует, забыть о нём не получалось. Каждый раз, когда в голове появлялась собственная мысль, он невольно начинал проверять, не последует ли ответ, и от этого мысли становились неестественными, как речь человека, внезапно узнавшего, что его записывают.

Никаких ответов не было.

Голос действительно молчал.

Через некоторое время это начало раздражать почти так же сильно, как прежнее говорение. Споткнулся о корень, удержался и тихо выругался.

Никакой реакции.

Ещё несколько шагов.

— Ты ведь всё ещё здесь?

— Да.

Сразу пожалел, что спросил.

— Я просто проверял.

— Проверил.

И снова тишина.

Ниже деревья стояли теснее. Под их кронами земля оставалась влажной, почти чёрной, а между корнями лежал толстый слой прелой листвы. Стоило наступить на него, как под ногами начиналось мелкое движение: кто-то прятался глубже, что-то стремительно уходило в траву.

На стволе ближайшего дерева он заметил несколько узких отверстий, расположенных почти ровной линией. Из одного высунулась крохотная головка и тут же исчезла.

Он машинально остановился.

— Даже не спрашивай, — пробормотал он.

— О чём?

— Что это такое. Я сегодня и без того получил слишком много ответов.

Спуск становился круче. Приходилось внимательнее выбирать место для босых ног, обходить острые камни и цепляться рукой за молодые деревья. Новый организм постепенно становился понятнее: тело оказалось лёгким, хорошо держало равновесие и довольно быстро принимало поправки, которые сознание вносило после каждого неудачного шага.

Почти начал увлекаться наблюдением, когда наступил на острый сучок.

— А-а, кхм…

Сел на землю и поднял ногу. Кожа не была пробита, но боль была вполне убедительной.

— Обувь, — пробормотал он. — Человечеству всё-таки иногда удаются хорошие идеи.

Голос ничего не сказал.

— Это не был вопрос.

— Я понял.

Посмотрел перед собой.

— Ты вообще понимаешь, о чём я говорю?

Новая пауза.

— Не всегда.

— Но сейчас понимаешь.

— Сейчас — да.

— На каком языке я говорю?

Ответ пришёл не сразу.

Голос произнёс несколько звуков.

Они были совершенно незнакомыми.

Нахмурился.

— Ещё раз.

Голос повторил.

— Я не понял ни слова.

— Я назвал язык.

Посмотрел в сторону, пытаясь осмыслить.

— Подожди. Ты сейчас произнёс слово, которого я не знаю, а я понял всё остальное, что ты говоришь.

— Да.

— И тебя это не беспокоит?

— Беспокоит.

Это был первый ответ, в котором за спокойствием явно скрывалось что-то ещё.

Насторожился.

— Ты тоже не понимаешь, почему мы друг друга слышим?

— Нет.

И вот это изменило ситуацию сильнее всех предыдущих ответов.

До сих пор голос обладал хотя бы видимостью преимущества: появлялся тогда, когда хотел, знал о камнях, говорил спокойно и выбирал, на что отвечать. Теперь впервые выяснилось, что существует вопрос, в котором они оба находятся примерно в одинаковом положении.

Ни один не понимал, что произошло.

Стало ненамного спокойнее, но хотя бы честнее.

Осторожно поставил ногу на землю и поднялся.

— Тогда предлагаю пока считать это общей проблемой.

Пауза.

— Считать можешь как хочешь.

Не согласие.

Но и не возражение.

На сегодня этого было достаточно.

Продолжил спуск. Чем ближе становилась вода, тем гуще росли кусты, однако вскоре между ними появилась светлая полоска.

Ручей обнаружился там, где склон становился положе. Вода бежала между округлыми камнями, то ускоряясь на узких участках, то собираясь в небольшие прозрачные заводи. На мелководье лежали гладкие тёмные камешки, среди которых шевелились тонкие зелёные растения. У самого берега, где течение замедлялось, плавали узкие листья.

Он присел.

На дне лежала сухая веточка, зацепившаяся за камень. Вокруг неё непрерывно двигались крошечные частицы песка. Чуть дальше что-то серебристое мелькнуло под водой.

Он наклонился ниже.

Рыба.

Небольшая, вытянутая, с тёмной спиной и почти прозрачными плавниками. Она задержалась возле камня, шевельнула хвостом и исчезла в тени под берегом. Следом показались ещё две, совсем маленькие.

На противоположном берегу какое-то многоногое создание осторожно перебралось через мокрый камень. Вода коснулась его конечностей, и оно поспешно скрылось среди стеблей.

Он несколько секунд просто смотрел.

После белой Реки, через которую проходили мёртвые души, этот обычный ручей с рыбами и мелкой живностью почему-то казался почти невозможным.

Потом жажда напомнила о себе. Он посмотрел вверх по течению.

Вода выглядела чистой.

Но хотелось бы не умереть второй раз в один день из-за первого попавшегося ручья.

— Что? — спросил голос.

Замер.

— Я ничего не говорил.

— Знаю.

— Тогда почему спросил?

— Ты чего-то ждёшь.

Это было полезное уточнение того, насколько именно голос воспринимает его состояние.

Посмотрел на воду.

— Я хотел спросить, можно ли пить.

— Не знаю.

— Наконец-то ответ, которому я доверяю.

Голос не понял шутки или решил её проигнорировать.

Он зачерпнул немного воды, понюхал и осторожно попробовал. Ничего подозрительного во вкусе не оказалось, хотя это, конечно, ровным счётом ничего не доказывало.

Жажда победила.

Он выпил ещё немного. Вода была холодной, почти ледяной, и от неё на мгновение заломило зубы.

Когда стало легче, он умылся и случайно увидел отражение между расходящимися кругами.

Чужое лицо посмотрело на него из воды.

Застыл.

До этого руки, ноги, уши и изменившиеся зубы ещё можно было воспринимать как набор странностей, которые требовалось последовательно проверить. Лицо всё собирало в одно. Это действительно был другой человек.

Нет.

Не другой.

Он.

Каким-то образом.

Наклонился ближе, рассматривая черты, которые не узнавал: более молодое лицо, другой подбородок, иные пропорции, незнакомые глаза.

Вода дрогнула от дыхания.

— Это чьё тело?

Вопрос вырвался вслух прежде, чем он успел подумать, стоит ли вообще спрашивать голос о подобных вещах.

Ответ последовал после короткой паузы.

— Не знаю, как объяснить.

Резко поднял голову.

— Попробуй.

Голос молчал так долго, что он уже решил, что ответа не будет.

— До тебя здесь никого не было.

Снова посмотрел в воду.

— В этом теле?

— Да.

Смысл дошёл не сразу.

— Оно не принадлежало кому-то другому?

— Нет.

Продолжал смотреть на отражение.

Часть напряжения, о существовании которой он даже не подозревал, вдруг отпустила.

В голове немедленно возникли десятки вопросов. Как появилось тело? Почему именно такое? Что произошло в Бездне? Кто вообще говорил с ним сейчас?

Открыл рот.

Потом закрыл.

Не сейчас.

Пока у него был один подтверждённый факт: он не проснулся в теле человека, которого ради него пришлось куда-то убрать.

Этого хватало.

— Ладно, — тихо сказал он.

Голос ничего не ответил.

Снова зачерпнул воду и смыл с рук пыль, оставшуюся после выхода из стены. Потом долго смотрел, как мутная струйка уходит между камнями и растворяется в течении. Когда он поднялся, вопросов меньше не стало. Но впервые после смерти он сознательно решил не пытаться получить ответы на все сразу.

Голос по-прежнему был внутри.

Лес по-прежнему был неизвестен.

Ноги по-прежнему оставались босыми.

И где-то ниже по течению, если ему хотя бы немного повезёт, должны были найтись люди.

На сегодня этого было достаточно.

Пошёл вдоль ручья. Голос не заговорил снова. И в этот раз тишина была кстати. Уже заметил: собеседник не считал необходимым реагировать на каждую фразу. Сначала это раздражало. Теперь начинало казаться почти разумным.

Солнце медленно уходило за деревья. Определить время без часов он не мог, но свет становился теплее и ниже, а тени — длиннее. С каждым часом всё меньше хотелось верить, что за следующим подъёмом обязательно обнаружится дорога, дом или хотя бы след того, что здесь когда-нибудь проходил человек.

Следов не было. Ни срезанных веток. Ни вытоптанной земли. Ни старого кострища. Ни мусора, за который на Земле он бы мысленно отругал неизвестного туриста и теперь был бы готов почти расцеловать.

Лес просто продолжался.

Голод тоже.

Сначала он был обычным — пустым и понятным. Потом к нему добавилось что-то ещё: не боль, не тошнота, не слабость, а странная неудовлетворённость, будто организм ждал чего-то, чего вода никак не могла ему дать.

Отсутствие нормальной еды вполне объясняло странные ощущения. Эта версия хотя бы не требовала новой физиологии.

— Ты знаешь, что здесь можно есть? — спросил он.

— Нет.

— Я начинаю ценить твою последовательность.

— В чём?

— Ты почти никогда не даёшь ложной надежды.

Голос помолчал.

— Это полезно?

— Пока не решил.

Разговор закончился сам.

Ещё через некоторое время ручей стал уходить слишком резко вниз. Склон впереди был неудобным даже для человека в обуви, а для босого — просто плохой идеей. Пришлось оставить воду и двигаться поперёк склона, стараясь хотя бы не терять общее направление.

Здесь лес немного изменился. Между стволами стало больше света, а под ногами появились низкие растения с широкими плотными листьями. Из-под одного выскочило небольшое четвероногое существо и исчезло так быстро, что он успел заметить только длинный хвост.

Где-то справа перекликались птицы. Одна перебралась с ветки на ветку почти над его головой, осыпав вниз несколько сухих чешуек коры.

Он проводил её взглядом.

И услышал дыхание.

Тяжёлое.

Не своё.

Солнце уже заметно опустилось. Впереди между деревьями что-то изменилось. Сначала он решил, что это тёмный ствол, но тот шевельнулся. Землянин остановился.

Между двумя деревьями стояло нечто большое. Не настолько, чтобы его можно было принять за медведя — сравнение пришло автоматически и тут же стало бесполезным, — но достаточно крупное, чтобы мысль приблизиться и рассмотреть не возникла вообще.

Существо тоже не двигалось.

Потом оно чуть сместилось, и неправильность стала заметнее. Одна передняя конечность держала вес почти как рука, другая волочилась ниже плеча. Пальцы были длинными — слишком длинными для той конечности, из которой росли, — и упирались в землю так, будто существо использовало руку одновременно как опору.

Существо подняло голову.

Где у существа должны быть глаза, понять не удалось.

Зато увидел бок.

Тот был разорван. Не свежей ровной раной — ткань словно давно перестала правильно удерживать форму. Под ней что-то сокращалось. Медленно, тяжело и совершенно недопустимо открыто.

Сердце.

Было ли это действительно сердце, понять не удавалось. Но другого слова мозг не предложил.

Существо вдохнуло.

Мокрый звук стал громче.

Несколько секунд они просто смотрели друг на друга.

Землянин — голый, босой, без единого предмета, который можно было бы убедительно назвать оружием.

Существо — достаточно большое, чтобы отсутствие одной нормально работающей конечности не казалось серьёзным преимуществом.

В голове очень быстро возникло несколько вариантов. Отойти медленно. Не провоцировать. Попытаться понять, видит ли оно вообще. Найти дерево, на которое можно…

Существо дёрнулось вперёд.

Не быстро.

Но в его сторону.

— Кхас, беги!

— Уже.

Развернулся и побежал. Никакого достоинства в этом не было. Только ветки, скользкая земля, босые ступни и необходимость не оглядываться слишком часто. Один раз он едва не упал, зацепившись за корень, другой раз острый камень полоснул ступню, но тело удержало равновесие и понесло дальше.

Сзади ещё некоторое время слышалось тяжёлое неровное дыхание.

Потом исчезло.

Землянин не остановился сразу. Пробежал ещё столько, сколько смог, поднялся выше по склону и только там спрятался за толстыми стволами, пытаясь одновременно слушать и дышать.

Никто не появился.

Лес снова шумел так, будто ничего не произошло. Ждал. Минуту. Возможно, две.

— Оно идёт?

— Не слышу.

Землянин медленно сел на землю. Ноги дрожали. Одна ступня горела от свежего пореза. На предплечье появилась новая царапина. Сердце колотилось настолько громко, что на секунду возникло абсурдное раздражение: после сегодняшнего дня любые ощущения в груди хотелось бы получать исключительно по предварительной записи. Поднял голову.

— Что это было?

— Эпир.

И всё.

Землянин подождал.

Голос молчал.

— Это сейчас было полное объяснение?

— Ты спросил, что это было.

— Да.

— Эпир.

Закрыл глаза.

— Хорошо. Вторую часть допроса проведём, когда я снова смогу дышать.

Ответа не последовало.

Когда дыхание выровнялось, стало очевидно ещё одно: солнце уже почти ушло. Продолжать путь в темноте после только что состоявшегося знакомства с местной фауной выглядело не смело, а глупо.

Нужно было найти место для ночи. И вот здесь профессиональная привычка впервые оказалась полезнее общих знаний о мире. Опыта выживания в лесу не было. Какие деревья здесь опасны, как правильно разводить огонь без инструментов, что можно есть и что делать, если ночью вернётся эпир или кто-нибудь ещё, он не знал. Зато умел смотреть на пространство как на набор условий.

Вода не должна стекать туда, где он лежит. Ветер лучше чем-нибудь закрыть. Сверху не должна висеть мёртвая ветка весом в половину его нового тела. И желательно видеть подход хотя бы с одной стороны.

После десяти минут поиска нашлась неглубокая ниша между корнями крупного дерева и каменным выступом. Идеальной она не была. Даже хорошей — с натяжкой. Но земля там оставалась относительно сухой, спину можно было прикрыть камнем, а несколько низких ветвей давали хотя бы иллюзию границы между ним и остальным лесом.

— Пятизвёздочный номер, — сообщил он.

— Что?

— Ничего.

Попытка сделать укрытие быстро превратилась в демонстрацию разницы между пониманием принципа и умением работать с материалом.

Ветки не хотели стоять под нужным углом. Листья, которые казались хорошей подстилкой, в руках внезапно становились ничтожным объёмом. Один раз вся конструкция рухнула от слишком сильного движения.

Огня не было. После нескольких попыток придумать способ добыть его из ничего он признал, что фильмы, книги и общее представление о человеческой цивилизации не являются практическим навыком разведения костра.

К тому времени стемнело окончательно. Голод стал сильнее. Та странная пустота под ним — тоже. Подтянул к нише ещё несколько веток, насколько смог закрыл вход и набросал под себя листья. Результат выглядел плохо. Но хотя бы существовал.

Землянин лёг на бок, подтянул колени и очень быстро понял, что камень за спиной находится ровно там, где будет мешать при любом положении.

Перестраивать было уже поздно.

В лесу что-то хрустнуло.

Открыл глаза.

⁂

Так началась первая ночь.

Спать мешал не только холод.

Земля вытягивала тепло через тонкую подстилку из листьев. Камень упирался в спину при каждом движении, а ветви, которыми он закрыл вход, почти не защищали от ветра.

Но ко всему этому ещё можно было приспособиться.

Гораздо хуже был лес.

Днём он шумел непрерывно и потому довольно быстро становился фоном. Ночью каждый отдельный звук получал значение. Где-то треснула ветка — и тело сразу напряглось. Что-то прошуршало возле корней — дыхание задержалось. Один раз совсем близко раздался короткий резкий вскрик неизвестного животного, после чего землянин несколько минут лежал с открытыми глазами, глядя в темноту между наскоро набросанными ветками.

Эпир возвращался всякий раз, когда удавалось почти заснуть. Не целиком — отдельными деталями. Длинные пальцы, которые не должны были так упираться в землю. Мокрый звук дыхания. Рваный бок. Сердце, продолжающее работать там, где его вообще не следовало видеть. Через какое-то время стало понятно, что сегодня сон придётся заслужить значительно сильнее.

— Ты там? — тихо спросил землянин.

Ответ появился почти сразу:

— Да.

Странное дело: ещё несколько часов назад это слово заставило бы похолодеть. Сейчас стало немного легче.

— Если бы тебя не было, я бы, наверное, решил, что окончательно сошёл с ума.

— Почему моё присутствие должно это опровергать?

Некоторое время пришлось смотреть в темноту, переваривая вопрос.

— Не должно. Спасибо.

Голос больше ничего не сказал.

И это тоже было нормально. Землянин уже начинал замечать, что собеседник редко продолжает разговор только потому, что пауза кажется неловкой. Возможно, у него вообще не существовало понятия неловкой паузы. После сегодняшнего дня такой талант выглядел почти завидным. Снаружи снова что-то хрустнуло.

Пальцы сами сильнее сжались на предплечье.

— Это большое?

— Не знаю.

— Ты слышишь то же, что и я?

Небольшая пауза.

— Похоже, что да.

— Очень хотелось другого ответа.

— Какого?

— «Это безобидная местная мышь, спи спокойно».

— Я не знаю, что такое мышь.

Несколько секунд землянин молчал, а потом тихо фыркнул.

— Это ещё один разговор, который я не планировал вести сегодня.

— Тогда не веди.

— Разумно.

Тишина вернулась, но теперь уже не давила так сильно. От чужого присутствия всё ещё было не по себе, однако после эпира возникла неприятная практическая истина: если ночью к

укрытию приблизится что-нибудь большое, дополнительные уши — пусть даже метафорические — не худшая вещь, которую можно получить вместе с новым телом.

Перевернулся на другой бок. Камень немедленно упёрся в ребро. Пришлось вернуться обратно.

— Ты знаешь, где мы?

— Нет.

— Совсем?

— Я знаю это место.

Землянин нахмурился в темноте.

— Место, из которого я вылез?

— Да.

— Тогда почему не знаешь, где мы?

Голос не торопился отвечать.

— Потому что вокруг было иначе.

Вопросов сразу стало больше.

— Насколько иначе?

— Сильно.

— Лес был?

— Нет.

Посмотрел в сторону выхода из укрытия, хотя различал там только тёмные силуэты ветвей.

— Значит, ты был здесь раньше.

— Да.

— Давно?

Пауза затянулась.

— Давно.

Ответ явно обозначал границу.

Сегодня землянин уже научился хотя бы иногда замечать её до того, как начинал ломиться дальше.

— Хорошо.

Некоторое время они снова молчали. Потом в голове возник более простой вопрос, который почему-то не приходил раньше.

— Как называется это место?

— Какое?

— Мир. Если это вообще другой мир.

Голос произнёс слово очень коротко:

— Аксот.

Землянин повторил его про себя.

Аксот.

Никакой вспышки узнавания. Никакой ассоциации. Просто пять незнакомых звуков, которые теперь обозначали всё пространство за пределами каменной ниши.

— Аксот, — произнёс он уже вслух.

— Да.

— Ты отсюда?

— Да.

Вот и ещё два факта. На сегодня этого следовало бы хватить, но мозг всё равно попытался построить из них систему. Если голос из Аксота и раньше находился возле тех руин, значит, он как-то связан либо с местом, либо с тем, что произошло после смерти. Если окружающее изменилось настолько, что собеседник не узнаёт его, прошло много времени — или случилось

что-то очень серьёзное. А ещё оставался вопрос, как существо из другого мира оказалось в его голове и почему оба понимают хотя бы часть речи друг друга. На третьем предположении пришлось остановиться. Данных не хватало. Это раздражало, но уже знакомым, почти нормальным способом.

— Ты опять что-то хочешь спросить, — заметил голос.

— Хочу примерно пятьдесят семь вещей.

— Почему пятьдесят семь?

— Потому что пятьдесят шесть звучало недостаточно серьёзно.

Голос промолчал. Землянин улыбнулся в темноте.

— Ты вообще понимаешь, когда я шучу?

— Иногда.

— И сейчас?

— Не уверен.

— Тогда всё хорошо. Я тоже.

Откуда-то сверху донёсся шорох. На этот раз тело дёрнулось меньше. Прошло ещё несколько минут.

— Как тебя зовут? — неожиданно спросил голос.

Вопрос оказался значительно сложнее, чем должен был.

Ответ существовал. Имя никуда не исчезло в белом потоке, не растворилось в той невозможной пустоте и не осталось вместе со старым телом. Стоило захотеть — оно вспоминалось сразу. Тем самым голосом его называла мать у машины скорой. Оно стояло в документах, почте, договорах, подписи под проектами. Тридцать один год на него оборачивался один и тот же человек.

Но теперь это имя почему-то не хотелось произносить.

Землянин долго смотрел в темноту перед собой.

— Я помню.

— Тогда почему молчишь?

— Думаю.

— О чём?

Ответ пришёл не сразу.

— Подходит ли оно мне ещё.

Голос не задал очевидного вопроса, и за это хотелось быть благодарным.

Старое имя принадлежало человеку с другим лицом. Тому, кого сегодня утром могли официально признать умершим, чья мать сейчас, возможно, сидит в больничном коридоре или уже знает, что домой он не вернётся. У того человека были паспорт, квартира, студия, сотрудники, незаконченные таблицы и неделя отпуска в календаре.

Здесь не было ничего из этого.

Даже лицо стало другим.

Отказаться от имени казалось почти предательством. Оставить его — почему-то ещё большим.

— У вас имена что-нибудь означают? — спросил землянин.

— Иногда.

— Значит, имя — ещё одна вещь без инструкции.

— Ты часто недоволен ответами.

— Сегодня особенно неудачная выборка.

— Не понимаю.

— Неважно.

Закрыл глаза.

И неожиданно увидел доску в студии.

Чёрные буквы на белом фоне, оставленные там не ради красоты и не ради клиента. Название, которое за годы стало настолько привычным, что давно перестало восприниматься как набор английских слов.

ALIS — Adaptive Living Interface System.

Под ним — русское пояснение для тех, кому аббревиатура ничего не говорила.

Адаптивная система жилого проектирования.

Проект, начавшийся когда-то с тесной комнаты, полок и отцовских инструментов. Потом были годы учёбы, ошибки, чужие квартиры, работа, люди, споры, прототипы — и наконец первое настоящее жильё, которое не требовало от человека навсегда оставаться тем же, каким он был в день сдачи объекта.

Пространство должно меняться вместе с жизнью.

Нелепость происходящего вдруг стала почти издевательской.

Из всего, что могло проверить этот принцип на прочность, смерть с последующим появлением в другом мире явно превышала проектные требования.

Тихо рассмеялся.

— Что?

— Ничего. Просто очень плохая профессиональная шутка.

— Я её не слышал.

— Поверь, тебе повезло.

Несколько мгновений землянин прислушивался к звучанию слова ещё до того, как решился произнести.

— Алис.

Голос не ответил.

Пришлось повторить:

— Алис.

— Это твоё имя?

Посмотрел в темноту.

Нет.

Не было.

И именно поэтому могло стать им.

— Теперь да.

Фраза прозвучала спокойнее, чем ожидалось.

Никакого особого ощущения не последовало. Мир не изменился, лес не затих, новое тело не стало внезапно привычным. Просто появилась точка, от которой можно было дальше говорить о себе.

Алис.

Попробовал имя про себя ещё раз. Странное.

Но уже не чужое.

— Что оно означает? — спросил голос.

— Название проекта.

— Какого?

Вот здесь пришлось задуматься, насколько вообще возможно объяснить свою прежнюю работу существу, которое не знает, что такое мышь и, возможно, никогда не видело многоэтажного дома.

— Я делал жильё.

Пауза.

— Строил дома?

— Не совсем. Я… проектировал, как люди живут внутри них. Как пространство должно меняться, если меняется человек. Где что находится, чем пользуются, что мешает, что можно переделать без того, чтобы разрушать всё остальное.

Собеседник молчал.

Алис неожиданно почувствовал необходимость уточнить:

— Это звучит менее бесполезно, когда есть стены.

— Ты и сегодня начал со стены.

Фыркнул.

— Там выбор был небольшой.

— Ты долго её изучал.

— Я пытался понять, что это такое.

— Потом разломал.

Несколько секунд Алис молчал.

— В некоторых проектах исследовательская стадия короче.

На этот раз голос, кажется, понял, что это была шутка, хотя никакой явной реакции не последовало.

Землянин — нет, уже Алис — устроился удобнее и неожиданно поймал себя на странном ощущении. Старое имя всё ещё существовало в памяти. Оно никуда не исчезло. Но теперь впервые с момента пробуждения между прежней жизнью и этой возникло хотя бы одно различие, которое выбрал он сам.

Не тело.

Не место.

Не смерть.

Имя.

Это было немного.

Но сейчас немного хватало.

— А тебя? — спросил Алис.

— Что?

— Как зовут тебя?

Голос замолчал.

В этот раз пауза оказалась настолько долгой, что сначала возникло подозрение: вопрос просто проигнорировали. Потом появилось другое — собеседник опять упёрся в ту границу, за которую сегодня не собирался пускать.

Наконец прозвучало:

— Не помню.

Алис нахмурился.

— Совсем?

— Да.

— Но ты помнишь Аксот. Помнишь место. Язык хотя бы частично.

— Да.

— А имя — нет?

— Нет.

Вопрос напрашивался сам: почему?

Ещё несколько часов назад Алис обязательно задал бы его.

Теперь не стал.

— Ладно.

— Ты мне не веришь.

— Я тебя почти не знаю. Было бы странно уже составлять список вещей, в которых я тебе безоговорочно верю.

Голос принял это без возражений.

— Справедливо.

Некоторое время разговор не продолжался. Алис закрыл глаза и впервые за ночь действительно начал проваливаться в сон, но через несколько минут ветка у входа тихо хрустнула.

Глаза открылись мгновенно.

Тело напряглось до боли.

— Что это?

Голос ответил сразу:

— Маленькое.

— Ты уверен?

— Нет.

— Очень утешает.

Но звук больше не повторился.

Постепенно мышцы расслабились. Алис снова положил голову на согнутую руку и уже почти заснул, когда вспомнил одну практическую проблему.

— Эй.

— Что?

— Это неудобно.

— Что?

— «Эй».

— Почему?

— Потому что это не имя. Если я хочу обратиться именно к тебе, мне приходится сначала выяснять, разговариваю я с собой или с существом в собственной голове.

— Здесь есть третья возможность?

— После эпира я больше не задаю таких вопросов.

Небольшая пауза.

— Тогда придумай.

Алис открыл глаза.

— Что придумать?

— Имя.

— Тебе?

— Да.

— Почему я?

— Тебе неудобно.

Аргумент оказался неприятно хорош.

— Можно просто выбрать любое местное.

— Ты их не знаешь.

— Ты знаешь.

— Я не хочу старое.

Вот это было новостью.

Алис приподнялся на локте.

— Почему?

— Не хочу.

Тон оказался достаточно окончательным.

— Хорошо. Тогда завтра.

— Почему не сейчас?

— Потому что я сегодня умер, воскрес, выкопался из стены, прошёл неизвестно сколько по лесу, встретил нечто с сердцем снаружи и сейчас ночую голый на земле. Мне кажется, право отложить нейминг до утра я заслужил.

— «Нейминг»?
— Вот именно.
Впервые голос словно чуть задержался на его реакции, а потом произнёс:
— Ты же проектировщик.
— И?
— Проектируй.
Алис несколько секунд смотрел в темноту.
Потом тихо рассмеялся.
— Так нечестно.
— Почему?
— Потому что хорошая реплика.
Голос не понял или сделал вид, что не понял.
Сон после этого всё-таки пришёл.

Глава 3

Сон оказался неглубоким и беспокойным. Несколько раз Алис просыпался от звуков леса, один раз — от холода, ещё раз — от собственного резкого движения после сна, который не успел запомнить. Каждый раз первые несколько секунд уходили на восстановление невозможной последовательности: новое тело, лес, эпир, Аксот, чужое сознание.

К рассвету тело болело почти целиком.

Сначала свет появился только на верхушках деревьев, потом серость между стволами начала приобретать цвет.

На широких листьях блестели капли влаги. Внизу, возле корней, шевелились мелкие насекомые, уже занятые своими делами. Где-то неподалёку настойчиво повторяла один и тот же звук птица, словно пыталась добиться ответа.

Лес просыпался.

Эпир всё ещё мог находиться поблизости, но теперь хотя бы снова существовала возможность заметить угрозу раньше, чем она подойдёт совсем близко. Алис выбрался из ниши, осторожно переступил через ветви и потянулся.

Спина выразила отношение к ночёвке немедленно.

— Никогда больше.

— Что?

— Я надеюсь когда-нибудь иметь возможность объяснить тебе, насколько плохо я спал.

— Я знаю.

Алис остановился.

— Чувствуешь?

— Часть.

— Хорошо. Тогда объяснять не придётся.

До воды нужно было ещё добраться. Вчерашний побег сбил направление, но склон уходил вниз, а значит, шанс снова найти ручей оставался неплохим.

Первый десяток шагов дался неприятно. Ступни болели после вчерашнего пути и пореза, царапина на предплечье засохла, а ободранный о камень бок напоминал о себе при каждом глубоком вдохе. Тем не менее ничего серьёзного, насколько можно было судить, не произошло. Через несколько минут Алис вспомнил ночной разговор.

— Я придумал.

— Что?

— Имя.

Голос молчал.

— Навир.

Ещё тишина.

Собеседник попробовал слово вслух:

— Навир.

Никакого особенного происхождения у имени не было. Несколько звуков, которые вчера ночью показались достаточно чужими Земле и достаточно естественными, чтобы ими можно было окликнуть кого-то рядом.

— Почему? — спросил голос.

— Потому что звучит как имя.

— Это всё?

— А должно быть пророчество?

Собеседник опять не понял шутки.

Алис продолжил:

— Ты попросил имя. Я сделал имя. Если хочешь смысл, придётся прожить с ним достаточно долго и заработать.

Пауза.

На этот раз значительно короче.

— Навир.

Голос словно попробовал слово на себя.

— Да.

— Подойдёт.

— Отлично. Возврату и обмену не подлежит.

— Не понимаю.

— Постепенно.

Алис пошёл дальше вниз по склону.

Через несколько шагов услышал:

— Алис.

Остановился.

Это был первый раз, когда новое имя произнёс кто-то кроме него самого. Ощущение оказалось странным.

Не неприятным.

Просто новым.

— Что?

Навир помолчал.

— Ничего. Проверял.

Алис невольно улыбнулся.

— Проверил?

— Да.

— Ну и как?

Ещё одна короткая пауза.

— Подойдёт.

На этот раз рассмеяться получилось легко.

Утро в незнакомом мире от этого не стало безопаснее. Голод никуда не исчез, босые ноги всё ещё болели, дороги по-прежнему не было, а в лесу где-то существовали эпиры и, вероятно, достаточно других вещей, о которых Алис пока ничего не знал.

Но теперь хотя бы было кому сказать:

— Навир, если сегодня увидишь ещё что-нибудь с внутренними органами снаружи, предупреждай заранее.

— Если увижу.

— Уже лучше.

Они продолжили спуск.

Вчера из руин выбрались безымянный мертвец и чужой голос.

Сегодня по лесу шли Алис и Навир.

Это было почти единственное, что они могли сказать друг о друге наверняка.

Утро постепенно стало днём. Первые часы почти ничем не отличались от вчерашних: деревья, склон, вода то ближе, то дальше, необходимость постоянно смотреть под ноги. Босые ступни после ночи болели сильнее, чем вечером, хотя новое тело удивительно быстро разрабатывалось и уже через полчаса движения перестало напоминать о каждом отдельном синяке.

Голод не прошёл.

— Если сегодня найдём людей, — сказал Алис, — первым пунктом я прошу еду. Вторым — обувь. Третьим — объяснение вообще всего.

— Ты уверен в порядке?

— Нет. Но обувь быстро поднимается.

Навир промолчал.

Через несколько минут Алис заметил первое изменение. Ветка на уровне плеча была срезана. Не сломана ветром и не откусана животным. Край получился слишком ровным. Алис остановился.

— Навир.

— Да.

— Понял, на что я смотрю?

Небольшая пауза.

— Да.

— Когда-нибудь мы составим нормальную инструкцию к этому совместному пользованию головой.

— Зачем?

— Чтобы я хотя бы знал, какие функции уже оплачены.

Навир не понял.

Алис подошёл к срезу.

Он был не свежим, но и не старым. Чуть дальше нашёлся второй. Потом — тонкий ствол, на котором явно работал инструмент. Через несколько десятков шагов земля под ногами изменилась. Сначала просто стало меньше высокой травы. Потом между корнями появился вытоптанный участок. Ещё дальше — отпечаток подошвы. Алис присел.

— Человек.

— Вероятно.

— Наконец-то твоё «вероятно» звучит приятно.

Следов было несколько. Они уходили в одну сторону, и вскоре едва заметный проход превратился в настоящую тропу. Не дорогу. Не цивилизацию. Но впервые — маршрут, которым пользовались люди. Следом пришёл запах дыма. Не лесного пожара. Обычного очага. Алис остановился и несколько секунд просто дышал.

— Люди, — выдохнул Алис.

Навир не ответил. На этот раз Алис был ему даже благодарен за молчание.

Голоса он услышал ещё минут через десять.

Два.

Живые, внешние, идущие откуда-то впереди. Алис замер настолько резко, что едва не наступил на собственную пятку.

За поворотом тропы появились двое мужчин. Один нёс связку тонких жердей, второй — мешок и короткий инструмент с широким лезвием. Они заметили Алиса почти одновременно.

И тоже остановились.

Несколько секунд все трое молчали.

Алис прекрасно понимал почему. Перед ними стоял совершенно голый, грязный и исцарапанный незнакомец. Их вид, в свою очередь, впервые окончательно подтвердил: разумные жители этого мира существуют не только как голос у него в голове.

Первый мужчина что-то сказал.

Алис откуда-то понял одно слово из пяти. Остальные словно цеплялись за что-то знакомое и тут же ускользали.

— Навир?

— Он спрашивает, откуда ты.

— Ответ будет длинный.

— Тогда соври короче.

— Поможешь с произношением?

Короткая пауза.

— Ладно.

Алис почти улыбнулся.

Мужчины заметили паузу и переглянулись.

— Не понимаю, — произнёс Алис на местном.

Получилось плохо.

Один из встречных нахмурился, потом повторил медленнее.

На этот раз Алис разобрал больше.

Откуда. Один. Дорога.

Алис показал назад, на лес.

— Там.

Мужчина посмотрел в указанную сторону.

— Один?

— Да.

Второй сказал что-то быстро.

Навир внутри отозвался не сразу:

— Я понимаю основу. Последнее слово другое.

— Какое?

— Не знаю.

Это было неудобно, но странным образом обнадёживало: языковой барьер существовал для них обоих, просто на разной глубине.

Первый мужчина снова заговорил, указал вперёд по тропе и дважды повторил одно слово.

— Песчанка, — сказал Навир уже увереннее.

Алис посмотрел на человека.

— Песчанка?

Тот сразу кивнул.

Наконец-то результат.

— Песчанка, — повторил Алис и указал вперёд.

Ещё один кивок.

— Прекрасно. Теперь мы хотя бы потерялись относительно чего-то конкретного.

Разговор продолжался жестами, обрывками слов и периодическими консультациями с голосом в голове, который сам признавал, что помнит язык не таким.

Постепенно выяснилось главное: Песчанка была впереди.

Первый мужчина посмотрел на ступни Алиса, выругался и поставил жерди на землю. Второй уже развязывал мешок.

— Кажется, тебя сейчас будут спасать, — сказал Навир.

— Я постараюсь не сопротивляться.

Из мешка достали свёрнутую рубаху, простые штаны и кусок ткани. Одежда явно была не новой и не предназначалась Алису, но после полутора суток леса он смотрел на неё как на достижение цивилизации.

— Мне? — спросил он, показав на себя.

Мужчина кивнул и произнёс короткую фразу.

— Бери, — перевёл Навир. — Кажется.

— Очень надеюсь, что ты не ошибся в слове «бери».

Ткань пахла лесом, дымом и чужим человеком. В обычной жизни этого хватило бы, чтобы отказаться. Сейчас Алис надел её почти с благодарностью. Вещи сидели плохо, но впервые после пробуждения между его кожей и окружающим миром появилось что-то кроме воздуха.

— Спасибо, — сказал он.

Навир подсказал местное слово. Алис повторил. Первый встречный поправил произношение. Алис повторил ещё раз. Теперь человек кивнул.

— Уже учусь.

Дальше они прошли вместе меньше часа. Потом местные свернули с тропы к своей работе, ещё раз показав направление и несколько раз повторив «Песчанка», будто опасались, что странный босой чужак сумеет потеряться даже на единственной дороге.

Когда мужчины скрылись за деревьями, Алис некоторое время молчал, поправляя чужую рубаху.

— Итак. Люди существуют. Одеждой делятся. И, кажется, не собираются убивать первого встречного.

— Не все, — заметил Навир.

— Спасибо. Вернул ощущение реальности.

Остаток пути они посвятили двум вещам: шли и учили слова.

Не системно. Для системы у них не было ни бумаги, ни общего словаря, ни даже уверенности, что Навир произносит современную форму правильно. Алис выбирал то, что могло понадобиться раньше всего.

Вода. Еда. Помощь. Где. Не понимаю. Спасибо.

Навир давал слово, если знал. Алис повторял. Потом пытался изменить его в простейшей фразе, и здесь чаще всего начинались проблемы: окончания и формы собеседник помнил иначе или не был уверен вообще.

— Получается, ты носитель языка многолетней давности, — подытожил Алис.

— Если тебе так удобнее.

— Очень. Особенно когда современного носителя у нас нет.

— Уже есть.

— Где?

— В Песчанке.

Алис усмехнулся.

— Хорошая мотивация быстрее дойти.

Ближе к вечеру лес начал редеть.

Появились участки, где деревья явно убирали не случайно. Тропа стала шире. Потом к ней примкнула другая, а впереди впервые показалась линия крыши. Алис остановился. Всего лишь крыша. Тёмная, обычная, частично скрытая деревьями.

— Песчанка? — спросил Алис.

— Полагаю.

— Сейчас даже не буду придираться к формулировке.

С дороги поселение казалось почти тихим, но стоило пройти между первыми оградами, как выяснилось, что вечер здесь вовсе не означает окончание дня. За домами кто-то складывал инструменты под навес, женщина вытряхивала ткань через невысокий забор, двое мужчин разгружали с небольшой повозки мешки, а возле одного из дворов трое детей с совершенно серьёзными лицами выясняли отношения вокруг деревянного колеса.

Один мальчишка попытался утащить колесо, пока двое других спорили. Девочка заметила это первой, бросилась следом и едва не сбила стоявшее возле ограды ведро. Из дома немедленно донёсся недовольный женский голос.

Алис невольно улыбнулся. По крайней мере, некоторые вещи не менялись даже между мирами.

Где-то лаяла собака, пахло дымом, тёплой землёй и едой, причём последний запах настолько быстро захватил всё внимание, что несколько первых домов Алис почти не запомнил.

Запомнили его.

Сначала перестал лаять пёс. Потом замолчали дети. Женщина у забора задержала ткань в руках, а один из мужчин возле повозки выпрямился и посмотрел на грязного босого незнакомца в чужой одежде почти до колен.

Алис продолжил идти.

— Пожалуй, обувь стоило поставить первым пунктом, — тихо сказал он.

Навир не ответил.

— Спасибо за поддержку.

На этот раз внутри прозвучало:

— Я ничего не говорил.

— Именно.

Первые дома выглядели удивительно нормально. Не в смысле сходства с Землёй — материалы, пропорции окон, кровля и даже устройство оград отличались достаточно, чтобы постоянно цеплять взгляд, — а в смысле отношения людей к собственному месту. Доски на заборах были подправлены там, где начинали расходиться. Крыши латали не красивыми, зато аккуратно пригнанными участками. Возле крылец лежали сухие дорожки из камня или дерева, чтобы не месить грязь после дождя. Даже хозяйственные пристройки выглядели не временными сараями, которые переживают хозяев из чистого упрямства, а вещами, за которыми следят, потому что завтра ими снова придётся пользоваться.

Это немного не совпадало с тем образом отдалённой деревни, который успел сложиться в голове по дороге. Ещё меньше совпадало с ним количество деталей, назначение которых Алис не понимал. На стене одного дома висел узкий металлический короб с трубкой, уходящей куда-то под карниз. Возле следующего двора стояла конструкция, напоминавшая одновременно ручной насос и часть сельскохозяйственного механизма. Несколько раз попадались небольшие знаки над воротами — не украшения, потому что похожие символы повторялись и явно что-то обозначали.

Хотелось остановиться возле каждого.

Ноги предлагали остановиться вообще.

Голод голосовал сразу за любой дом, откуда пахло едой.

Пришлось идти дальше.

Люди не приближались, но и не разбегались. Большинство просто смотрело. У двух женщин возле ограды завязался быстрый разговор, из которого удалось выловить только несколько обрывков смысла: чужой, ветал, потом что-то совершенно непонятное.

— Они обо мне?

— Да, — сказал Навир.

— Уже приятно понимать хотя бы тему обсуждения.

Одна из женщин услышала его и посмотрела ещё внимательнее.

— Лучше не разговаривать со мной вслух, когда рядом люди, — заметил Навир.

— Теперь говоришь?

— Сейчас полезно.

— Жаль, что ты не сказал это у первых домов.

Вместо ответа пришло короткое ощущение чужого молчания, которое Алис уже начинал различать от обычной отсутствующей реплики.

Дорога постепенно вывела к более открытому месту. Поселение не имело чёткой площади в земном понимании, но здесь сходилось несколько путей, стояли более крупные здания и людей было заметно больше. С одной стороны располагалось длинное строение с широким навесом и закрытыми воротами, возле которого были сложены ящики и несколько пустых телег. Чуть дальше — дом попроще, но с доской или табличкой возле входа. Ещё одно здание стояло немного в стороне и почему-то воспринималось общественным ещё до того, как уда-

лось понять его назначение: к нему приходили люди, задерживались ненадолго и уходили, а возле стены под навесом стояла длинная скамья.

Посреди всего этого находился водоразбор.

Его Алис заметил сразу.

Не потому, что конструкция была необычной, а потому что она раздражала ещё до того, как удалось понять, почему.

Вода поступала в широкий каменный резервуар через металлический патрубок, возле которого стояли люди с вёдрами и кувшинами. Сам резервуар когда-то, вероятно, был удобным: к нему подходили с нескольких сторон, высота позволяла набирать воду без необходимости наклоняться слишком низко, а вокруг существовал отвод для пролитого. Но одна сторона просела, слив забился или перестал справляться, и теперь под ногами постоянно собиралась грязь. Чтобы добраться до более сухого места, жители положили две доски, одна уже заметно прогнулась. Труба подтекала в соединении, и под каплями стояла маленькая посудина, воду из которой время от времени выливали обратно в резервуар.

Алис замедлил шаг.

После полутора суток в лесу, встречи с эпиром, пробуждения в руинах и чужого голоса в голове именно эта небольшая лужа почему-то показалась особенно понятной.

Кто-то решил проблему.

Потом решение перестало работать.

Потом вместо ремонта появился обход. Потом обход стал частью нормального использования.

— Не сейчас, — сказал он самому себе.

— Что? — спросил Навир.

— Ничего.

В этот момент его заметили возле воды.

Женщина с двумя вёдрами что-то сказала. Алис уловил вопросительную интонацию и знакомое по встрече в лесу слово, связанное, кажется, с дорогой или происхождением.

— Песчанка, — ответил он, радуясь хотя бы одному местному слову.

Женщина посмотрела на него с выражением человека, которому сообщили совершенно очевидное.

— Да, это Песчанка, — приблизительно передал Навир после короткой паузы.

— Спасибо.

— Мне?

— Уже не уверен.

Женщина продолжила говорить, теперь медленнее. Алис разобрал «откуда» и, возможно, «кто», а дальше перестал понимать.

— Не понимаю, — произнёс он старую форму, которой научил Навир.

Реакция оказалась такой же, как утром у встречных. Женщина нахмурилась, а рядом стоявший мужчина повернул голову. Кто-то повторил его фразу уже иначе — современнее, короче. Алис попробовал, но получилось плохо. Мужчина поправил произношение. Ещё одна попытка.

Теперь лучше.

— Мы обучаемся очень естественно, — пробормотал Алис по-русски. — Через публичное унижение.

Навир на этот раз ничего не сказал, что, возможно, означало согласие. Вокруг начали задерживаться люди. Не толпой, но достаточно, чтобы стало неприятно. Алис внезапно очень ясно увидел себя их глазами: молодой человек, высокий, грязный, исцарапанный, босой, в явно чужой одежде, говорит странно и не понимает простейших вопросов. Никаких вещей, денег, документов и даже убедительной истории.

На Земле в подобной ситуации ему, скорее всего, уже вызвали бы полицию или скорую.

Здесь, видимо, местный эквивалент тоже приближался.

Одна из женщин сказала что-то мальчику лет двенадцати и указала на большое здание у края открытого пространства. Тот сорвался с места и убежал.

— Мне кажется, за кем-то послали, — сказал Алис очень тихо.

— Похоже.

— Отлично.

— Ты опять используешь…

— Навир.

— Что?

— Сейчас не время.

Чужой голос замолчал.

Собравшиеся тем временем продолжали обсуждать пришельца. Отдельные смыслы приходили всё чаще. Лес. Один. Ветал. Где вещи. Один раз прозвучало уже знакомое слово «эпир», и Алис мгновенно поднял голову. Он указал назад, в сторону дороги.

— Эпир.

Разговор стих.

Получилось немного драматичнее, чем хотелось.

Алис провёл ладонью по боку, изобразил движение существа и покачал головой, пытаясь показать, что контакта не было. Затем указал на царапины.

— Не… эпир.

Навир подсказал короткое слово. Алис повторил, и лицо мужчины возле воды заметно изменилось.

— Что я сказал?

— «Не кусал».

— Полезно.

Женщина с вёдрами подошла ближе и без всякого предупреждения взяла Алиса за запястье.

Он дёрнулся.

Она тут же отпустила и подняла ладонь, показывая, что не собиралась нападать. Потом указала на царапины, снова спросила что-то и жестом показала на рот.

— Проверяет, не укусил ли эпир? — предположил Алис.

— Вероятно.

— Мне нравится, когда наше незнание работает командой.

На этот раз Навир ответил:

— Не нравится.

— В точку.

Люди расступились ещё до того, как подошедшую женщину удалось увидеть нормально.

Первое, что Алис заметил, — она шла быстро, но не бежала. Второе — никто не начал объяснять ей происходящее до тех пор, пока она сама не оказалась рядом, будто все уже знали, что сначала она посмотрит сама.

На вид ей было примерно столько же, сколько новому телу Алиса, может быть чуть больше. Невысокая, крепкая, без впечатления физической силы ради самой силы — скорее человека, который много ходит, носит вещи и редко имеет возможность провести весь день сидя. Тёмно-русые или каштановые волосы были быстро собраны сзади, одежда выглядела добротной и практичной, с поясом и несколькими карманами. Никаких знаков особой власти Алис не заметил.

Она посмотрела на него.

Потом на ноги.

Потом на чужую рубаху.

Потом на людей вокруг.

— Все закончили? — спросила женщина.

Алис не понял из этой фразы ни слова, зато остальные поняли прекрасно. Лишние зрители начали расходиться.

Не мгновенно и не особенно охотно, но довольно быстро.

— Кажется, мне уже нравится этот человек, — пробормотал Алис.

— Почему?

— Она убрала аудиторию.

Женщина повернулась к нему.

— Ты со мной разговариваешь?

Смысл пришёл кусками, но достаточно точно.

Алис замер.

— Нет.

Слово оказалось неправильным. Навир назвал другое.

Алис повторил.

Женщина прищурилась.

— Странно говоришь.

Эту фразу удалось понять почти целиком.

— Знаю.

Снова не то слово.

Алис поморщился.

— Я… плохо…

Слово «говорю» он не знал.

Навир подсказал его после короткой паузы.

— Говорю, — закончил Алис на местном языке.

Произношение получилось настолько старым, что женщина ещё секунду смотрела на него, после чего спросила медленнее:

— Откуда ты?

Вот это уже было ясно.

Алис посмотрел в сторону леса.

Самый простой ответ одновременно являлся самым бесполезным.

— Там.

Женщина проследила за жестом.

— В лесу живёшь?

— Нет.

Удивительно, но это слово уже удалось произнести без помощи.

— Откуда пришёл?

Алис задумался.

— Не знаю, как сказать.

Женщина скрестила руки.

— Попробуй.

На русском можно было бы начать с «это прозвучит безумно». На местном языке даже такая роскошь отсутствовала.

— Проснулся… — Алис поискал слово.

Навир молчал.

— Как будет «проснулся»?

— Не знаю современного.

— Прекрасно.

Женщина продолжала ждать.

Пришлось показать рукой назад.

— Лес. Руины.

Слово «руины» Навир знал, хотя форма снова вызвала у собеседницы короткое недоумение.

— Там… очнулся.

Она поняла не сразу.

Потом взгляд стал внимательнее.

— После удара?

Алис уловил только жест к голове.

— Нет.

— Тебя ограбили?

Вот это слово удалось узнать по утренней встрече.

— Возможно.

Женщина подняла бровь.

— Возможно?

— Это проще.

Естественно, последнюю фразу пришлось собрать из трёх слов, двух подсказок Навира и жеста, который мог означать что угодно.

Результат всё равно не убедил.

— Имя?

Наконец вопрос, на который существовал короткий ответ.

— Алис.

Она повторила:

— Алис.

Новое имя снова прозвучало из чужих уст, и ощущение оказалось всё ещё немного непривычным.

Женщина коснулась ладонью груди.

— Нелла.

— Нелла.

Она кивнула, будто вопрос был закрыт, и сразу перешла к следующему:

— Когда ел?

Алис понял слово «ел» и начал мысленно считать.

— Давно.

Нелла посмотрела на его лицо, на царапины, потом опустила взгляд к босым ступням. Этого, кажется, хватило, чтобы принять следующее решение.

— Обувь.

— Да.

Впервые за вечер ответ получился почти счастливым.

Она сказала что-то одной из оставшихся женщин, та оглядела Алиса с головы до пят и ушла. Потом Нелла жестом велела следовать за собой.

— Куда? — спросил он.

— Есть. Мыться. Спать.

Три слова Алис понял практически без помощи. После полутора суток пути они прозвучали убедительнее любой программы адаптации.

— Я готов признать тебя лучшим человеком этого мира.

Нелла посмотрела через плечо.

— Что?

— Спасибо.

Это она поняла.

Дорога через центральную часть Песчанки заняла всего несколько минут, но теперь Алис видел поселение немного иначе. По дороге он снова замечал следы постоянной работы: починенные ступени, сложенные дрова, подлатанные крыши. И на этом фоне ещё сильнее выделялись общие неудобства — грязь у водоразбора, подпертое камнем колесо телеги, провисший край навеса.

Алис заставил себя отвести взгляд от провисшего навеса. Сейчас ему гораздо нужнее были еда, вода и место, где можно лечь.

Нелла остановилась возле одного из зданий общественного центра и открыла дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.